

Татьяна Воронина

Не хочу умереть
бухгалтером

Сонькины рассказы

12+

Татьяна Воронина

**Не хочу умереть бухгалтером.
Сонькины рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Воронина Т. А.

Не хочу умереть бухгалтером. Сонькины рассказы /
Т. А. Воронина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Кто ты такая, чтобы судить других? Почему люди не доверяют друг другу? Эти вопросы задаёт себе Соня, жизнь которой такая же полосатая, как и у каждого из нас. Погружаясь в водоворот событий, происходящих с Сонькой, как будто фильм смотришь и с удивлением узнаёшь в эпизодах картины или соседку свою, или подругу, а то и вовсе себя. Немало дров наломала Сонечка, перекраивая свою судьбу. Но не пропала, а вырастила сына и с достоинством вышла из всех испытаний. Об умении дружить и умении любить, о благодарности и прощении невольно задумаешься, пройдя рядом с Соней весь этот путь от детства до зрелости.

ТАТЬЯНА ВОРОНИНА

НЕ ХОЧУ УМЕРЕТЬ БУХГАЛТЕРОМ

Сонькины рассказы

Моему единственному сыну

Роману посвящается

Глава 1. меховые заграничные

Софья Владимировна Тимофеева, двух с половиной лет от роду, стояла посреди большой комнаты на табуретке, заботливо водружённая туда папой, и в окружении взрослых гостей, тающих от умиления, с артистизмом необычайным громко и самозабвенно читала:

«Уронили Мишку на пол,
Оторвали Мишке лапу.
Всё равно его не брошу –
Потому что он хороший».

Искренние аплодисменты, которыми щедро наградили маленькую артистку, были настолько приятны Соне, что она вся просто светилась счастьем и готова была читать стихи ещё и ещё, благо знала их наизусть много, а выступать на публике о-очень любила.

– Сонечка, какие у тебя ботиночки красивые! – говорила какая-то тётя из гостей.

– меховые заграничные, – гордо ответствовала Соня под всеобщий хохот и одобрение.

Так начиналась сознательная жизнь Соньки, моей близкой подруги, человека интересного и обезоруживающего своей искренностью. Забегая вперёд, скажу, что актрисой Сонька так и не стала, хотя порывы реализовать эту часть своей многогранной природы накатывают на неё с разной периодичностью и продолжительностью всю жизнь.

Детство Соньки было абсолютно счастливым. Мама, папа, старший брат, две бабушки и один дед. Все любили и заботились. Взрослые между собой жили дружно. Если прибавить к этому мирное небо над головой (а Соня родилась спустя двенадцать лет после окончания войны), то это, собственно говоря, всё, что нужно ребёнку для счастья. Да-да, я абсолютно убеждена, что эти несколько нехитрых условий и есть то необходимое и достаточное, что позволяет любому здоровому малышу расти счастливым. Это потом возникают вопросы материального достатка, воспитания, образования и прочих взрослых премудростей, формирующих нас духовно и социально и делающих такими не похожими друг на друга. А пока нужны только мир, любовь и согласие – такая, казалось бы, малость, такое, на первый взгляд, само собой разумеющееся, всем понятное явление, но увы, далеко не каждая семья может похвастаться столь комфортными «климатическими» условиями в доме.

А вот бытовые условия у Сонькиных родителей были в то время никудашные. Тимофеевы, Владимир Васильевич, механик на авторемонтном заводе, и Нина Борисовна, экономист, начальник планового отдела того же завода, с сыном Мишей жили в бараке в Коптево. Москвичи постарше помнят эти двухэтажные постройки с длинными коридорами, а по бокам – комнаты, комнаты, комнаты, в конце коридора – огромная коммунальная кухня. Помните, как у Высоцкого: «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная»? Так вот, в этом бараке не было ни одной уборной. Удобства, как говорится, на улице. Во дворе стоял дощатый сортир с подobaющим убранством внутри, куда все жители, за исключением крох, которые ходили на горшок, и отправлялись в случае нужды и летом, и зимой. Водопровода тоже не было. Сонькин папа носил воду в вёдрах, набирая её из колонки в том же дворе. Не было в бараке и центрального отопления! В каждой комнате стояла небольшая печурка, топившаяся дровами.

В такую вот тринадцатиметровую комнату и привезли прямо из роддома крошечную Соню – четвёртого члена этой дружной семьи. В отличие от Миши, производя на свет которого мама промучилась двенадцать часов и заработала тромбофлебит глубоких вен на ногах, Соньку она родила легко и быстро. Дело было в воскресенье, и Владимир Васильевич уехал с друзьями на рыбалку. Никаких мобильных телефонов тогда и в помине не было. Поняв, что схватки начались, Нина Борисовна спокойно собрала зубную щётку, халат и другие необходимые вещички и тихонько отправилась на остановку трамвая, который шёл прямо до роддома. Схватки усилились. В трамвае отошли воды. В общем, едва успела мама до роддома добраться, как Сонька тут же и выскочила на свет божий. Была она беленькая и пушистая. В прямом смысле. Волосики светлые и густые, а по всему телу – золотистый пушок. Семилетний Миша долго смотрел на пухлого младенца, потом спросил:

– Мам, а у неё коленки есть?

Весёлое было время, душевное и радостное, несмотря на все трудности. Миша тогда пошёл в первый класс. Запомнился рассказ Нины Борисовны, как однажды ей очень надо было отлучиться к врачу, но Соньку оставить было не с кем. Когда Миша пришёл из школы, мама его накормила обедом и сказала:

– Посмотри за Сонечкой, а я скоро вернусь. Видишь, она спит спокойно. Проснётся – поиграй с ней погремушками, поговори. А будет плакать – дай водички попить, вот, из бутылочки с соской.

И Мишка впервые остался с сестрой один. Как взрослый. Груз ответственности давил и возвышал одновременно. Соня спала, Миша тихо играл в солдатиков. Ничто, как водится, не предвещало. Но вот раздалось первое кряхтение, а за ним и хныканье. Миша тут же подошёл, улыбнулся сестре, произнёс какое-то ласковое сюсюканье, подражая взрослым (благо, никто не слышал), и взялся за погремушки. Но Сонька продолжала кукситься, намереваясь, похоже, перейти к громкому рёву. Тогда Миша (по инструкции) взял бутылочку с соской и дал ей попить. Малышка жадно попила, заулыбалась и схватила брата за палец. Миша был доволен собой и растроган, но... недолго, как говорится, музыка играла. Через пять минут Сонька начала извиваться в своих пелёнках и требовательно орать. Помня мамин наказ, Миша снова дал ей попить и получил небольшую передышку, после чего история повторилась. На третий раз, до доньшка опустошив бутылочку, Сонька принялась орать пуще прежнего. И тогда Миша не выдержал. Не понимая, что он делает не так и что ей ещё надо, со слезами на глазах Мишка выскочил из комнаты и с диким воплем «тётя Тоня-а-а!» понёсся по длинному коридору. На крик выбежала соседка Тоня.

– Тётя Тоня, помогите... скорее... пойдёте... она там одна... плачет...

– Да что случилось-то? Господи, говори ты толком!

– Она всё время плачет, – всхлипывал Миша. – Понимаете, всё время, я всё делал, а она всё равно!..

– А мать где?

– Мама к врачу пошла, сказала, скоро вернётся, а её всё нет и нет!..

Войдя в комнату, Тоня извлекла красную и охрипшую Соньку из коляски, которая служила и кроваткой тоже, положила на диван и распеленала.

– Ну как же ей не орать-то! Мокрая вон до ушей. Кому ж понравится в луже лежать?

Тоня по-хозяйски полезла в шкаф, быстро нашла сухие пелёнки и подгузники и стала ловко пеленать Соню, которая тут же успокоилась, как будто и не она только что надрывалась. Тут, наконец, вошла Нина Борисовна. Миша кинулся к ней стремглав.

– Мама, мамочка, я не виноват, я всё делал, как ты говорила, а она всё плакала и плакала!

Картина была ясна. Дочь пила и писала, пила и писала, а сын страдал и не знал, как ей помочь.

– Что ты, Мишенька, успокойся, мой хороший, ты ни в чём не виноват, ты всё делал правильно. Видишь, Соня уже улыбается, всё в порядке.

– Что ж ты пацана одного-то с младенцем оставила?– встряла Тоня.

– Да в поликлинику бегала, думала, быстро обернусь, а там очередь... – оправдывалась Нина Борисовна. – Тонечка, спасибо тебе огромное!

– Да не на чем...

Мир и покой были восстановлены, но в этот день Миша ещё долго льнул к матери, неосознанно пытаясь в каждом прикосновении почувствовать её защиту, в которой нуждался ничуть не меньше, чем маленькая сестрёнка.

В бараке Сонька прожила ровно два месяца. Нет, семья не переехала. Просто послеродовой декретный отпуск мамочки в те годы был 56 дней, а дальше надо было выходить на работу. Уволиться и сидеть с ребёнком Нина Борисовна себе позволить не могла. Не только потому, что потеряла бы хорошую работу с приличной зарплатой, а потом пойдёшь ещё найди такую, но и потому, что на одну зарплату мужа им четверо было не прожить. Что делать? В ясли такую кроху не отдашь, жалко, да и мест свободных в тех яслях не было. Словом, советская действительность пятидесятых во всей красе.

Единственным спасением могли стать неработающие бабушки и дедушки. И стали, конечно. Мать Нины Борисовны работала, а вот родители Владимира Васильевича были на пенсии. К ним-то на Новую Басманную в большую коммуналку со всеми удобствами и переехала двухмесячная Сонька. Благо, завод был неподалёку, на Новорязанской, и в обеденный перерыв Нина Борисовна бегала к свёкру и свекрови кормить малышку грудью. Ну и молочко, конечно, сцеживала и оставляла. А на выходные Соньку забирали домой, в барак. Вернее, на выходной, ведь он был только один – воскресенье, а по субботам вся страна трудилась.

Глава 2. Дед

Коммуналку на Новой Басманной Соня запомнила хорошо. Там она выросла из пелёнок, пошла, заговорила и прожила аж до пяти лет. Дарья Кузьминична, папина мама, называлась бабулей, а мамина мама – бабусей. Такое обращение принято во многих семьях, чтобы бабушек различать. Единственный дед Василий Корнеевич, так как был мужем бабули, стал называться дедулей.

В этом небольшом коллективе из двух старых и одной малой забота о Сонькином питании, гигиене и внешнем виде лежала на плечах бабули. Всем остальным Сонька была обязана деду.

Дед имел незаконченное инженерное образование, много читал и водил машину. Шоколадного цвета «Победа», приобретённая за год до рождения Сони, в 1956-м, прослужила семье до конца семидесятых и была предметом особой гордости. Сонька обожала кататься с дедулей. Особенно ей нравилось, когда посреди дороги встречалась огромная лужа, а людей вокруг не было. Дед смело въезжал в лужу, по обе стороны из-под колёс вырастала стена воды, и Сонька с восторгом кричала: «Во даёт!». А ещё ей безумно нравился олень, которого она видела на капоте «Волги». Очень обидно было, что на «Победе» нет такого оленя. Однако дед Василий для внучки любимой мог и Луну с неба достать. Где-то он раздобыл эту фигурку оленя и прикрепил её на свою «Победу». Восторгу Сони не было предела! Машину эту водил не только Сонин дед, но и папа, в дальних поездках они сменяли друг друга за рулём. Оба прекрасные механики, дед и отец ремонтировали свою шоколадную красавицу сами – часто лежали под ней в гараже по выходным. «Победу» продали в 1979 году, после смерти деда, покупатель был из Харькова, и машина уехала туда своим ходом.

Дед любил Соньку так, как не любил, наверно, никого на свете: ни бабулю свою, ни сына своего Владимира, ни тем более всяких прочих людей. Внучку он баловал. Они ходили гулять то в сад Милютина, то в сад Баумана.

– Куда пойдём гулять?– спрашивал дед.

– В сад *баловна!*– кричала Соня, не только будучи не в силах выговорить сложную фамилию, но и пребывая в полной уверенности, что название парка происходит от слова «баловство». Ведь он для того и нужен, чтобы там баловаться!

В ограду сада Баумана попарно встроены колонны, между колоннами в каждой паре – небольшое пространство. Маленькая проказница убегала вперёд, пряталась в этот закуток, где взрослому не поместиться, и замирала в ожидании, пока дедуля её найдёт. Дед активно подыгрывал, делал вид, что потерял внучку, и найдя, восклицал: «Вот ты куда запряталась!». Сонька радостно хохотала, и от смеха её лицо деда озарялось таким счастьем и такой нежностью, что картинка эта запечатлелась в детском сознании на всю жизнь, став для Сони в будущем своеобразным индикатором того, как выглядит настоящая любовь.

Комната в коммуналке, где они жили, была огромной. Или казалась маленькой Соне огромной. Главная достопримечательность – два высоченных книжных шкафа, которые стояли поперёк комнаты, деля её на две неравные части. Между шкафами висела занавеска, и получалось, что комнаты как будто две. За занавеской стояли железные кровати с перинами, на которых спали дедуля и бабуля. Подросшая Соня спала на диване в передней части комнаты. Эта маленькая спальня за занавеской и шкафами очень привлекала Соньку, потому что там над каждой кроватью висело по небольшому плюшевому ковру с бахромой. На дедулином ковре были олени, очень красивые и благородные, а на бабулином – мишки в лесу, среди которых был один маленький медвежонок, самый любимый. И главное – всех их можно было погладить – ковры-то плюшевые!

Шкафы были до отказа заполнены книгами, которые читал дед. Главный раритет, впоследствии доставшийся Соньке из этих шкафов и по сей день занимающий почётное место в её доме, – это Большая советская энциклопедия, первый выпуск под редакцией Отто Юльевича Шмидта. Тома её издавались в течение почти двадцати лет, с 1926-го по 1944-й, и это давало возможность заинтересованному читателю проследить, как за эти годы менялась «политика партии и правительства» вслед за идеологией. Но тогда главной книгой из дедулиного шкафа стал для Сони старый букварь, по которому дед терпеливо учил её читать. В четыре года внучка уже читала бегло, а не по слогам. В букваре на первых страницах располагались два портрета – Ленина и Сталина. Кто такой дедушка Ленин, Соне, конечно, подробно объяснили. А вот второй портрет был густо замалёван чернилами.

– Дедуля, зачем ты зарисовал этого дядю? – спрашивала Соня.

– Это очень плохой человек, – отвечал дед.

Дело в том, что Василий Корнеевич сидел при Сталине. Сидел, правда, недолго, всего один месяц, а потом его каким-то чудом выпустили. То ли обвинение было совсем уж нелепым, то ли недосуг им было в тот момент всякой шушерой заниматься, а только донос признали ложным и деда освободили через месяц. Но ему, видать, хватило...

В молодости дед Василий пытался стать писателем. Свои пробы пера он отправил на рецензию не кому-нибудь, а самому Максиму Горькому. И пришёл по почте ответ! Не на машинке напечатанный, а рукописный!!! Алексей Максимович творчество молодого литератора ругал, говорил: «... язык у Вас газетный...». С тех пор литературных трудов Василия Корнеевича никто не видел. А жаль, может, и вышло бы с годами что-то достойное, а великий пролетарский писатель – тоже не истина в последней инстанции. Много лет спустя этот ценный автограф дед безвозмездно передал в литературный музей Горького, оставив себе только светокпию письма, хранящуюся и сейчас в Сониной семье.

С детства Соня с лёгкостью запоминала стихи, которые в изобилии читал ей дедуля, она знала наизусть всего Чуковского, всю Барто и всего Маршака. Вот только «р» Соня никак не выговаривала. Логопеды не помогли. И снова за дело взялся дед. Терпеливо и методично, долгие месяцы, не заставляя, а облекая всё в форму игры, дед повторял вместе с Соней по сто раз на дню:

«Три прекрасных маляра
Красят крышу красной краской».

И сработало! Чудесная присказка и дедулины любовь и терпение сделали своё дело. В один прекрасный день вместо привычного «л» у Соньки вырвалось звонкое «р» на радость всем окружающим.

Зимой в саду Милютина заливали небольшой каток для малышни. И дед купил Соне её первые коньки. Это были «Снегурки» – однополосные железки с закрученными кверху носами, которые ремешками крепились на валенки. Прекрасно катавшийся Василий Корнеевич и в этом деле стал для Сони первым учителем и терпеливым тренером. Скользить по льду четырёхлетней Соне очень понравилось. Она довольно быстро освоилась, держала равновесие, а если всё-таки падала, то не плакала и ловко вставала. Румяные и счастливые, возвращались они с катка, в мокрых рейтузах и варежках. Бабуля развешивала всё сушиться на батарее, сопровождая это неизменным ворчанием. Как и многие девочки, Соня мечтала стать фигуристкой. И уже через год дедуля, сияя, преподнёс ей новенькие чешские фигурные коньки с белыми ботиночками и золотой надписью на них «Botas». Это было настоящее счастье! Сонька прыгала и визжала от восторга, бегала по комнате, прижимая коньки к груди. Надо заметить, что эта счастливая особенность характера – умение искренне и бурно радоваться приятным событиям, новостям, любой малости со знаком плюс – сохранилась у Сони по сию пору и естественным образом помогает ей снискать расположение самых разных людей. Впоследствии дедуля каждый год дарил Соне новые фигурные коньки – нога-то у ребёнка растёт. А стоило это чешское удовольствие совсем не дёшево для советского пенсионера.

И вот повели Соньку записываться в школу фигурного катания. Сомнений, что примут, не было: она уже прилично владела техникой скольжения и совсем не спотыкалась о зубчики коньков. Мама и дед вели Соню за руки. Каково же было их разочарование, когда оказалось, что никто не собирается смотреть, как ребёнок катается, а будет сначала собеседование и проверка музыкального слуха. И на этой самой проверке выяснилось, что никакого музыкального слуха у Соньки нет. Не то чтобы он плох, а его вообще нет! Большой медведь на ухо наступил. В приёме было отказано. Детское горе велико – рухнула мечта. Соня так плакала, что двоим взрослым едва удалось её успокоить, внушив, что музыкальный слух можно развить и тогда со временем её обязательно примут и она станет фигуристкой. Пожалуй, эта история стала первым большим огорчением в Сонькином безоблачном детстве. Потом, лет в восемь, Соня всё же пошла заниматься фигурным катанием, правда, не в такую серьёзную спортшколу, а в кружок при ЖЭКе. За одну зиму Соня добилась колоссальных успехов, опередив всех своих сверстниц. Она уже делала фонарики, подсечку вперёд и назад и даже перекидной прыжок, в то время как другие всё ещё осваивали скольжение, пытаясь не цепляться за лёд зубцами фигурных коньков. Но тут подстерегала неприятность иного рода. Тренер вызвала маму и сказала, что дочь уже так хорошо катается, что среди малышей ей делать нечего и она хочет перевести Соню в следующую группу, где девочки постарше. Всё бы хорошо, и каток недалеко от дома, всего несколько дворов пройти, поэтому даже восьмилетние дети ходили туда одни. Да вот только у старшей группы занятия заканчивались в девять вечера. Зима, темно, десятый час, одной девочке никак нельзя возвращаться. А у родителей, работающих целый день, ещё и по дому дела есть, и идти куда-то так поздно – ни сил, ни времени. Так и заглохло всё потихоньку. Видимо, не судьба была Соньке стать фигуристкой.

Зато каждый Новый год к маленькой Соне приходил Дед Мороз. Настоящий. Когда это случилось в первый раз, девочка немного испугалась. По книжкам с картинками она знала, как Дед Мороз выглядит, знала, что он добрый и приносит подарки детям. Но всё же когда этот персонаж появился живьём в их привычной комнате, где уже нарядили ёлку и в красивых платьях в предпраздничной суете накрывали стол, Сонька оторопела. Он был в точности, как на картинке: длинный тулуп с мехом, такая же шапка с мехом, большая белая борода, валенки, рукавицы, посох, мешок с подарками. И он говорил! Поздоровался с родителями и стал расспрашивать про них с Мишей: хорошо ли они себя ведут, как Миша учится в школе, знает ли Соня стихи и песни, умеет ли на коньках кататься? Сонька стояла, открыв рот, как заворожённая, пока не услышала мамино:

– Сонечка, расскажи Дедушке Морозу стишки, которые ты знаешь.

Тут Соню уговаривать было не надо. Звонко и радостно она поведала присутствующим о том, как Таня уронила в речку мячик, как Зайку бросила хозяйка, про человека рассеянного с улицы Бассейной и ещё про Мойдодыра, ни разу при этом не сбившись. Дед Мороз очень хвалил и Соню, и Мишу, который тоже что-то читал. И вот настал заветный миг, когда волшебник полез в мешок за подарками. Надо ли говорить, что каждый из детей получил то, о чём грезил все последние месяцы?! После восторгов и благодарностей Дед Мороз засобирался к другим детям, коих, как известно, много, и они тоже ждут своих подарков на Новый год. По традиции была налита рюмочка «на посошок», гость уже было откланялся, когда мама возьми да и скажи:

– Сонечка, поцелуй дедушку!

Тут Соня испугалась не на шутку. Да как это возможно? Вот так просто взять и в щёчку чмокнуть? Он же волшебник! И потом, он же Мороз – ледяной, наверно... Девочка смущённо и испуганно пряталась за маму, а все взрослые, включая даже Мишу, почему-то смеялись.

– Ну не бойся, что ты, – папа взял её на руки и подошёл к Деду Морозу, а тот вдруг сам поцеловал Соню в щёчку, по головке погладил.

И вовсе он не ледяной оказался, а тёплый, как все люди. «Потому что живой, настоящий», – подумала Соня.

Вот с тех пор тот же самый Дед Мороз приходил к Соне каждый год и всегда угадывал её желания, приносил подарки, которые ждала. А Соня с радостью читала ему всё новые стихи и уже не боялась целовать на прощанье.

Девчонки во дворе Сониным рассказам про настоящего Деда Мороза не верили. А Сонька с пеной у рта доказывала, что «правда же он приходил, вот, смотрите, что подарил, ну почему вы не верите?!»

Так продолжалось до её семи лет. А потом настал день разоблачения. Соня пошла в школу и к Новому году отучилась уже две четверти в первом классе. Сознание вчерашних дошколят с началом обучения меняется кардинально и стремительно. Мозг перерабатывает информацию в объёме и разнообразии, не сопоставимых с прежними. И дети неожиданно взрослеют, теряя беспечность. Словом, то ли Соня была уже большая, то ли дед расслабился и дал промашку, а только сказке в этот раз суждено было закончиться.

Когда Дед Мороз после обычных приветствий попросил Соню рассказать о её успехах в школе, она опустила глаза и вдруг отчётливо увидела торчащие из-под длинного тулупа брюки и ... дедулины ботинки!

– Мама, – прошептала Соня, – а почему у Деда Мороза дедулины ботинки?

Пока Соня шептала свой вопрос, в голове её уже молниеносно созрела догадка.

– Вот ты и выросла, Сонечка, – сказала мама. – Теперь тебя не обманешь, как маленькую.

– Так это дедуля всё время приходил ко мне Дедом Морозом? – сформулировала свою догадку Соня.

– Конечно, детка.

Тут Соня сопоставила все события, припомнила, что дедули никогда не было дома во время визитов Деда Мороза, он приходил к столу чуть позже, и Сонька всякий раз взахлёб рассказывала ему всё и хвалилась подарками. Картина была ясна. Дед снял жаркий костюм и сел к столу. Мудрые взрослые обратили всё в шутку, все веселились, пили и кушали, потом Соня, как и всегда, читала стихи и, конечно, получила свои подарки. Так что праздник удался, а Сонька даже ни чуточки не расстроилась, а наоборот, гордилась тем, какая она уже взрослая и умная.

А по-настоящему взрослая Софья Владимировна с благодарностью вспоминает эту сказку длиной в семь лет и, может быть, благодаря тогдашним дедулиным стараниям до сих пор не утратила способность верить в чудеса, почти по-детски ожидая от жизни только хороших сюрпризов.

Дед покинул этот мир в 1978-м, пережив бабулю на десять лет. В семьдесят пять, всего за два месяца до кончины, он всё ещё водил свою «Победу». В семьдесят дед жил с 39-летней женщиной, жениться на которой даже не собирался. Потому что всё своё «богатство» – однокомнатную квартиру в Выхино и три тысячи рублей на сберкнижке (а это была половина стоимости «Жигулей»!) – он, конечно, оставил Соне.

Глава 3. Поцелуй Боженьку!

Дарья Кузьминична была большой модницей и даже в статусе бабули продолжала ею оставаться. И если бабуся и мама у Сони были женщинами в теле, а вслед за ними и Сонька всю жизнь с переменным успехом борется с лишним весом, то бабуля всегда была худенькой и стройной. На фотографиях двадцатых годов прошлого века она неизменно в элегантных платьях и шляпках.

Оставаться модной и элегантной в советские времена было ох как непросто. Волосы бабуля накручивала на какие-то бумажки и называла их папильотками, а одежду шила себе сама. Имелся у неё для этого и инструмент красоты необыкновенной – ножная швейная машинка марки Зингер. Большая и тяжёлая, с витым чугунным основанием, такой же ажурной педалью из чугуна, с рисунками невиданных египетских сфинксов на корпусе и надписями по-немецки, это чудо техники на колёсиках чинно выкатывалось из угла на середину комнаты, когда бабуле надо было что-то прострочить, и душа у Соньки замирала от восторга в предвкушении магического действия. Бабуля надевала очки, ловко продёргивала и протаскивала нитку через какие-то отверстия и крюпочки, прежде чем вставить её в игольное ушко, потом изнутри машинки каким-то чудом появлялся хвостик второй нитки, бабуля подкладывала ткань, опускала лапку, и волшебство начиналось. Чуть крутанув правой рукой на себя блестящее стальное колесо, она плавно покачивала ногами на большой педали, а ткань чудесным образом сама уползала у неё из-под рук, и строчка получалась такая ровная-ровная, красивая очень.

Сонька в оцепенении следила за этими манипуляциями, умирая от желания всё потрогать, покрутить колесо, покачать педаль, что-нибудь прострочить, наконец. Но прикасаться к машинке ей было категорически запрещено. Во-первых, если по ошибке крутануть колесо в другую сторону, то нитки оборвутся и всё внутри запутается, во-вторых, не дай Бог слишком приблизить пальцы, держащие ткань, к эпицентру действия – пробьёт иглой насквозь. Всё это Соня давно запомнила и ни за что бы так не сделала, но вот беда – она была ещё слишком мала и не доставала ногами до педали. Оставалось вздыхать и ждать, ведь бабуля обещала научить Сони шить на машинке, когда та подрастёт.

Обещание своё она выполнила, и теперь старинный Зингер – Сонькино наследство. В юности Соня шила на нём юбки из советской джинсы себе и подруге, потому что импортные были только у фарцовщиков и не по карману, да и сейчас занавески подшить запросто может. Так что вековой раритет до сих пор в рабочем состоянии.

Вообще-то бабуля, в отличие от деда, была неласкова и даже сурова. Сонькины проказы её раздражали, за проступки всегда ругала и маме ябедничала. В общем, держала ребёнка в строгости и дисциплине, что тоже, наверно, не лишнее для некой сбалансированности воспитания, чтоб уж совсем избалованной и капризной не выросла. Не била, главное, не унижала, а когда нотации читала да ворчала, всё твердила, что это для её же, Сонькиной, пользы. Такая уж она была, бабуля.

А ещё бабуля была верующая. Сильно верующая, православная. Ну, религия в СССР, как известно, считалась мракобесием и опиумом для народа. Муж, сын, сноха, – все были атеистами, да ещё и партийными. В общем, совсем бабу, что называется, за можай загнали. Но истинную веру ничем не вытравить. Ей, конечно, запретили в доме иконы вешать, не то что в красном углу, а вообще на любых стенах. И тогда бабуля в плательном шкафу, где висели её наряды, поставила у задней стенки свои иконы. Когда все уходили, она открывала шкаф, раздвигала вешалки с платьями, становилась на колени и молилась. Каждый день наблюдала Соня это действо.

– Бабуля, а что ты делаешь?

– Богу молюсь. Не мешай.

И Соня не мешала. Она стояла поодаль, тихо смотрела на необычное и прислушивалась, как бабуля шепчет какие-то непонятные слова.

Когда Соня родилась, бабуля взбунтовалась. Она твёрдо заявила своим неверующим мужу и детям:

– Ребёнка надо окрестить.

На неё махнули рукой и сказали: «Не выдумывай».

Не тут-то было. Дарья Кузьминична не отступала:

– Ребёнка надо окрестить.

Так и взяла их измором. Собрались атеисты на семейный совет и подумали: во-первых, Сонька – ещё младенец и происходящего не запомнит, во-вторых, вреда всё равно не будет, а в-третьих, их партийное начальство ничего не узнает. Даст Бог...

И трёхмесячную Соньку окрестили в Елоховской церкви по всем правилам.

Бабуля в Елоховской была постоянной прихожанкой, пешком туда с Новой Басманной ходила, ни одной значимой службы не пропускала. И Соньку втихаря с собой таскала. А куда деваться? Не пойти в церковь нельзя, ребёнок всё время при ней, вот и приходилось с собой брать, заодно, глядишь, и к вере истинной приобщится.

В храме Соне понравилось. Там было очень красиво, величественно, необычно и потому интересно. Другой мир. На улице – прохожие, магазины, машины – обыкновенные, а тут таинственно, как в сказке. Священники в длинных одеждах, старушки все молятся, хор поёт загадочно, много икон на стенах, лампы, свечи, а у батюшки из кадила дым идёт душистый, – впечатляло. Особенно Соньке нравилось, когда из маленького половничка давали попить какой-то вкусный сироп.

Первым делом бабуля научила внучку правильно креститься: тремя перстами, сверху вниз и справа налево. Дальше было сложнее. Приобщаться всерьёз современный ребёнок, похоже, не собирался. Бабуля брала Соньку под мышки, поднимала вверх спиной к себе, лицом к иконе и строго говорила:

– Поцелуй Боженьку!

Сонька нос воротила, целовать заляпанное стекло не хотела. Вблизи-то видно было, сколько слюны от тысяч поцелуев на том стекле осталось. Ребёнок брезговал. Бабуля сердилась и расстраивалась. Всю атмосферу сказки этим принуждением и разрушила.

К вере Соня пришла сама, в двадцать два года, когда бабули давно уж на свете не было, пришла сознательно и спокойно, не с горя какого-нибудь, а просто взяла и поверила.

А пока бабуля перед Пасхой святила куличи и яйца, святую воду часто из храма приносила. Крашеные яйца и кулич Сонька обожала – это было всегда празднично и вкусно. А вот со святой водой однажды курьёзный случай вышел. Вернулась Дарья Кузьминична из храма накануне Пасхи вся умиротворённая и торжественная, а Сонька дома с дедом была. Вернулась – и к Соне:

- Попей, внученька, святой водички, полезная она и вкусная.
- Ой, бабуль, подожди, я писать хочу, – говорит Сонька и направляется к своему горшку.
- Стой, – кричит бабуля, – нехорошо после горшка, сначала попей!
- Да не могу я пить, бабуля, я писать хочу!

В результате Сонька уже на горшке сидит, а бабуля одновременно в неё святую воду вливает да приговаривает:

- Господи, грех-то какой, Господи!
- Вот уж действительно – смех и грех!

Когда родители Сони из барака переехали в двухкомнатную квартиру, о которой пойдёт отдельный рассказ, и забрали Соньку в новый дом насовсем, бабуля с дедулей тоже улучшили свои жилищные условия: из коммуналки с большим количеством соседей они переехали в другую коммуналку с одним соседом. Странное это было жилище, сейчас в Москве такого уже не встретишь. На улице Карла Маркса (теперь она снова Старая Басманная) стоял отдельный одноэтажный каменный домик с палисадником. В домике были все удобства и два крыла: как войдёшь с улицы в центральный вход, направо – к соседу, а налево – к бабуле с дедулей. Было у них там слева аж две комнаты, правда, вторая – без окон. Первая, проходная, стала гостиной и столовой одновременно, а во второй – спальня, где они у противоположных стенок и разместили две свои железные кровати с перинами, повесили на каждой стене любимые Сонькой плюшевые ковры: у бабули – с мишками, у дедули – с оленями. Кухня, ванная и туалет, понятное дело, общие, но сосед-то всего один! Кроме стола и дивана запомнился Соне в гостиной большой дубовый резной буфет с зеркальной нишей, красоты необыкновенной. Куда он потом делся при последующих переездах – Бог весть. А ведь какая вещь была – загляденье! Сейчас сказали бы – раритет.

В этом домике на Карла Маркса Соня бывала наездами: то на выходные её деду с бабушкой подкинут, то на каникулы отвезут. Бабуля в палисаднике цветы выращивала, в основном, флоксы, и к каждому 1 сентября у Соньки был свежий букет этих ярких цветов. Интересное всё же было место: ни тебе подъезда, ни лестницы, прошёл через садик – и сразу в дом.

Окна в доме были с двойными рамами и огромным пространством между ними, которое зимой служило холодильником: туда клали продукты. Однажды бабуля купила большую живую рыбку – сома. В магазине сома оглушили, засунули в пакет, который она еле дотащила, положила между рамами и снова ушла в магазин докупать всё остальное. Соня как раз приехала на зимние каникулы, так уж надо внучку чем-то вкусненьким побаловать. Дед на работе, бабуля в магазине, а Соня дома осталась – школьница, большая уже. Сидит себе Сонька спокойно на диване, книжку читает. Вдруг в комнате что-то зашуршало... Станный такой звук, тишина полная, никого нет, а оно шуршит. Сердечко у Соньки застучало часто-часто, подумала, может, мыши? Их она никогда не видела, но боялась, забралась с ногами на диван. Звуки усилились, и тут Соня с ужасом увидела их источник: за оконным стеклом ожила огромная рыбина. Сом проснулся, выбрался из бумаги и начал со всей дури бить хвостом о подоконник. Это было необъяснимо и страшно, там лежала еда, просто сырая рыба, которую потом пожарят, и вдруг этот неодушевлённый предмет начал извиваться и подпрыгивать! Соне казалось, что сом своей огромной головой сейчас разобьёт стекло и, оказавшись в комнате, набросится на неё и укусит. Жуткий страх парализовал волю, она не могла ни плакать, ни звать на помощь, ни бежать, только смотрела во все глаза на чудовище и с ужасом ждала неизбежного. По счастью, в этот момент вернулась бабуля, к которой Сонька, обретя голос, с криками кинулась за

спасением, едва не сбив старушку с ног. Бабуля эмоциями чувствительной Сонькиной натуры не прониклась, обсмеяла глупышку, сома чем-то по голове огрела, и тот заснул уже навеки. Сонька же над тонкими материями различий своей и бабулиной психики по малолетству не задумывалась, на мёртвого сома старалась больше не смотреть, а счастлива была уже тем, что опасность миновала и она теперь не одна, под защитой.

На обед, слава Богу, был суп и котлеты с картошкой. Когда обязательная часть обеда, включая компот, бывала Сонькой съедена, начинался почти ритуал. Бабуля доставала завёрнутый во влажную тряпочку батон сырокопчёной колбасы, отрезала каждому по два-три тоненьких кружочка и торжественно раздавала со словами: «На заедочку». Боже, какой потрясающий вкус был у этой дорожной колбасы по пять рублей тридцать копеек за килограмм, которую мама с папой покупали только по праздникам, а бабуля давала ещё и «на заедочку»!

Послушная, покладистая и почти не капризная Сонька всё же должна была иногда, как любой нормальный ребёнок, шалить и нарушать всяческие запреты. Когда такое случалось, недовольная бабуля, будучи в полной уверенности, что за каждый проступок должна последовать кара небесная, строго говорила Соньке:

– Вот Боженька тебя накажет!

Как именно накажет, при этом не разъяснялось. Сонька бабулино ворчание, казалось, пропускала мимо ушей. Но повторяемые раз за разом угрозы наказания божьего, видимо, в какой-то момент превысили некую критическую массу и заставили ребёнка задуматься: «А *как* он меня накажет?». Эта мысль беспокоила Соню чем дальше, тем больше. Теперь после каждой разбитой чашки или не надетых на улицу шерстяных носков пойманная с поличным Сонька понимала, что размер грядущего наказания божьего неумолимо растёт, а уж то, что кара небесная плохих девочек настигает неизбежно, бабуля внушала ей ежедневно. Это были уже не шутки. Страх поселился в душе впечатлительного ребёнка и, засыпая, Соня стала думать, что она так много всего натворила, что наверно, уже заслуживает смерти. Поскольку от бабули никакой ясности она не добилась, а оставаться в таком подвешенном состоянии Соня больше была не в силах, то когда к концу каникул за ней приехала мама, девочка со слезами рассказала ей обо всех своих «грехах», чтобы получить ответ на мучивший так сильно вопрос: «Что же теперь с ней будет, *как* Боженька её накажет?!»

Нина Борисовна была так потрясена состоянием дочери, что едва сдержала гнев, готовый обрушиться на свекровь. «Это ж надо, – с ужасом думала она, – за две недели превратить весёлого открытого ребёнка в испуганное затравленное существо! Да что ж это за мракобесие такое?!»

Но мудрость этой женщины не имела границ. Она утешила и приласкала плачущую Соню, простила ей все «грехи», напомнив, однако, что надо стараться хорошо себя вести, чтобы не огорчать близких. Бабуля ведь заботится, чтобы Соня не простудилась или не обожглась, потому и расстраивается. А Боженьки никакого нет, это всё глупые сказки, в которые верят только старушки, что в церкви молятся, и никто её не накажет и не обидит.

Так говорила мама – главный человек на свете. И Сонька, едва не ставшая жертвой религиозного фанатизма, вновь обрела душевный покой.

Что касается Дарьи Кузьминичны, то ей после этой истории не поздоровилось. Не при ребёнке и не в этот же день, а какое-то время спустя муж, сын и сноха с ней серьёзно поговорили, строго-настрого запретив страшить девочку дурацкими угрозами. Досталось ей и за то, что Соньку тайно в церковь водила, что тоже выяснилось в процессе дознания. Соня обо всём этом узнала много лет спустя, уже будучи взрослой, так что на тот момент бабулино реноме в глазах внучки не сильно пострадало.

Соне было одиннадцать, когда у Дарьи Кузьминичны обнаружили рак. Обнаружили, как водится, поздно, на последней стадии, когда сделать уже ничего было нельзя. В последний раз Соня видела бабулю лежащей на диване в гостиной. Она стала совсем худенькая, почти про-

зрачная. Боли испытывала страшные. Тогда, в 1968-м, в Советском Союзе сильных обезболивающих, содержащих наркотик, на руки не выдавали – ни по рецепту, никак. Укол мог сделать только врач. Окольными путями за большие деньги раздобыли несколько ампул. Муж, сын и сноха дежурили возле бабули по очереди. Дед сам её, почти невесомую, относил на руках в ванную и мыл. Потом ампулы кончились. Периодически, когда боли становились совсем невыносимыми, вызывали скорую, чтобы сделали укол. На некоторое время помогало, а потом она снова мучилась страшно. Но что удивительно, не жаловалась, не роптала, смиренно ждала, когда Господь её к себе заберёт. Однажды, в дежурство Нины Борисовны, стало так плохо, что свекровь, до того тихо бормотавшая молитву, начала громко стонать. Нина Борисовна вызвала скорую. А после отъезда врачей Дарья Кузьминична слабым голосом ей говорит:

– Нина, не делай так больше никогда.

– Мама, ну как же?..

– Не смей. Господь знает, что делает. Не вмешивайся.

И тогда поняла Нина Борисовна, какой силой вера может обладать. С великим уважением взглянула она на свекровь, стойчески переносящую страдания, которые Господь ей послал в ожидании перехода в лучший мир.

Через два месяца бабули не стало. Пока ещё была в сознании, она как-то велела снохе достать из шкатулки свои сокровища. Их было два: колечко золотое с бриллиантом и бусы янтарные из Прибалтики необыкновенные, из крупных непрозрачных жёлтых шаров, гладких и ярких. Сказала:

– Бусы носи сама, а кольцо не надевай. Отдашь Соне, когда ей исполнится восемнадцать.

Волю покойной Нина Борисовна исполнила в точности. Бусами этими очень дорожила, надевала их на синее платье, было красиво. Теперь вот Сонька фамильные ценности бережёт и с гордостью их носит.

Глава 4. Блочный рай и детский сад

В 1961-м, весной, когда Соне исполнилось четыре – свершилось! Семья Тимофеевых, наконец, получила от родного завода квартиру и выехала из барака. Это была двухкомнатная квартира в новенькой блочной пятиэтажке на улице Пивченкова в районе метро «Филёвский парк». Эта станция на Филёвской линии метро была на тот момент конечной, следующей, «Пионерской», ещё и в помине не было. Не было и девятиэтажных кирпичных домов, которые потом выросли вдоль Кастанаевской улицы, а стояли на этом месте деревянные одноэтажные частные домики – бывшая деревня Мазилово. Соня очень удивлялась: как это в Москве деревенские дома стоят? В общем, край географии. Но какое это имело значение? Квартира, отдельная, своя, без соседей, – одним словом, рай! В квартире был совмещённый санузел, проходная (по диагонали) большая комната, непроходная маленькая комната, крошечная прихожая и кухня в шесть квадратных метров. Жильцов четверо: мама, папа, Миша и Соня. Соня, правда, переехала позже, к сентябрю, когда пора было в детский сад идти, но уже сейчас, весной, её привезли посмотреть новую квартиру. Трудно даже описать ту атмосферу счастья, которая царилась в семье в связи с переездом. Соне врезался в память яркий весенний день: они с папой и Мишей сидят в кухне за столом, занавесок ещё нет, поэтому солнце беспрепятственно заливает всё помещение, играя на тарелках и ложках, а мама в платье в горошек стоит с сияющим лицом и разливает в тарелки суп из кастрюли. Все улыбаются, папа шутит, Мишка хохочет, и так хорошо в этот момент жить на свете, так тепло, легко и радостно!

Поскольку дел в связи с переездом было море, Соню даже отпустили одну погулять во дворе – опасаться было нечего, кругом такие же счастливые новосёлы, незапертые двери и все с одного предприятия. Соня помнит себя в этот день в синеньком весеннем пальтишке и резиновых сапожках, важно прогуливающуюся по лужам в новом дворе. Она тут же познакомилась с девочкой Наташей, которая была старше всего на один год и к тому же оказалась из соседней

квартиры. Здесь завязалась первая дружба. Сколько потом было в этом дворе и детских слёз, и детских восторгов! А пока только безоблачное синее, как Сонькино пальто, небо, подёрнутые кое-где хрупким весенним ледком лужи и безотчётное ощущение счастья.

Летом, как обычно, снимали дачу – своей не было. Бабуля с Мишей и Соней жили там постоянно, а мама, папа и дед приезжали на выходные, которых к тому времени уже было два – суббота и воскресенье. Там на просёлочной дороге Мишка впервые попробовал водить автомобиль, дедулину «Победу», и влюбился в это занятие навсегда. Из тех дачных времён Сонька запомнила тяжёлый для ребёнка запрет: гуляя в саду, нельзя было сорвать ягоду с куста, потому что это чужое, хозяйское. Бабуля покупала у хозяйки банку чёрной смородины, и только тогда её можно было кушать, а с куста – ни-ни. Однажды у местных купили банку лесной земляники. Это было восхитительно и совсем не похоже на то, что растёт в саду, такой вкусной и душистой ягоды Сонька ещё не пробовала. И вот сидят Соня с мамой на веранде, доедают свою порцию. Наконец, на тарелке осталось всего две ягодки: одна большая и красивая, а другая совсем маленькая.

– Это кому?– спрашивает мама, показывая на большую ягоду.

– Мне!– без тени сомнения отвечает Соня.

– А почему тебе, а не мне?

Сонька задумалась. Мамин вопрос был неожиданным. Она настолько привыкла, что родители всё лучшее отдают им, детям, что это воспринималось как само собой разумеющееся, а значит, ни обсуждению, ни обдумыванию не подлежащее.

– Потому что мне хочется,– нашла объяснение Соня.

– А если мне тоже хочется?– продолжала странные вопросы мама.

– У-у-у,– промычала Сонька, глядя то на соблазнительную ягоду, то обиженно на маму.

– Эх ты,– сказала Нина Борисовна,– ягоду маме пожалела! Для мамы ничего нельзя жалеть.

Соньку как током ударило. Да что же она, в самом деле, жадина какая, что ли? Мама для неё всё, а она... Взяла Соня большую красивую ягоду и, всё ещё преодолевая сожаление, положила маме прямо в рот, а сама быстро съела маленькую.

Эту сцену на веранде почитаю я как одну из вершин столь трудной педагогической науки. Полагаю, маме пришлось сделать над собой гораздо большее усилие, чтоб не отдать дочери то, чего она так хотела. Bravo, Нина Борисовна! Низкий поклон Вам и светлая память за то, что есть у меня теперь такая подруга Сонька, которая, случись чего, последним поделится и не пожалеет.

В конце августа Тимофеевы вернулись в Москву, в своё новое человеческое жилище. Разместились так: в большой комнате спал Миша, а в маленькой – мама, папа и Соня. В большой помимо Мишкиного дивана, стола, серванта и ещё чего-то несущественного появилось чудо чудесное – телевизор марки КВН. Экран у этого чуда техники размером с небольшой блокнот, и человечки на том экране были значительно меньше, чем Сонины куклы. Тогда папа купил к телевизору специальное устройство – линзу. Это было двойное круглое выпуклое стекло, внутри которого почему-то плескалась вода. Правда, папа объяснил, что это не простая вода, а дистиллированная. Что бы там ни было, но когда линзу приставили к экрану, он вырос, как по волшебству, увеличился раз в пять, наверно. Это же было совсем другое дело, глаз не оторвать! Соня с Мишей обожали сидеть вдвоём перед телевизором и смотреть какую-нибудь познавательную передачу, особенно когда мама давала им сладости в тубиках. Да-да, в тубиках, таких же, как из-под зубной пасты. Дело ведь было в 1961-м, а в тот год, как известно, случилось событие планетарного масштаба – Юрий Гагарин полетел в космос. Активно шла подготовка к более длительным полётам, которые были уже не за горами, и телевидение подробно рассказывало о том, как космонавты готовятся к полётам, где они будут спать на космическом корабле и чем питаться. Тут-то советская пищевая промышленность, идя в ногу со временем,

и выпустила сгущёнку и джем не в банках, а в тубиках, как у космонавтов. Представляете, какой восторг был у детей? Сгущёнку и джем можно было прямо в рот выдавливать! Правда, эта детская радость довольно быстро исчезла с прилавков московских магазинов, но Соня вкушать успела и запомнила.

Приближалось 1 сентября. Миша должен был пойти в пятый класс в новую школу, а Соня впервые в своей жизни в детский сад. Надо сказать, что Сонька была ребёнком общительным и открытым, на улице со сверстниками играла с удовольствием, поэтому против детского сада в принципе ничего не имела.

И вот настал тот день. Мама привела Соню в сад, оставила с воспитательницей Ириной Петровной и уехала на работу.

– Ребята, у нас новая девочка, Соня, – сказала воспитательница, обращаясь к группе.

Дети с полминуты поглазели на Соньку и разбрелись по своим делам. Пол в группе был застлан ковром. Игрушек очень много: куклы, мишки, другие звери плюшевые, кубики, машинки.

Трудно быть новенькой. Соня робко прошла вперёд и взяла какую-то куклу, валявшуюся на полу. Тут же подбежала другая девочка и вырвала у неё куклу, всем своим видом давая понять, что это её добыча и уступать она не собирается.

– Не ссорьтесь, дети, – сказала Ирина Петровна и вышла из комнаты.

В то же мгновение мимо Сони промчался мальчишка с самолётом в руках, изображая полёт. По дороге он больно толкнул Соню, и она упала, упала неловко и некрасиво. Все вокруг засмеялись, показывая на неё пальцами. От обиды и боли Соня заплакала. Пожалеть её было некому, и она, подобрав по пути какого-то облезлого медведя, забилась в угол и продолжала там тихо плакать, прижимая к себе мишку. Так и просидела в углу до обеда.

А теперь представьте себе ребёнка, выросшего в атмосфере бесконечной доброжелательности и внимания, почти в пять лет впервые попавшего в коллектив, где двадцать детей из самых разных семей уже давно живут своей жизнью, адаптировавшись к обстоятельствам, и на неё, Соньку, всем совершенно наплевать, где обидно смеются и больно толкаются, причём обидеть могут совершенно ни за что. С беспричинной агрессией Соня столкнулась впервые, это было необъяснимо и потрясло до глубины души. Нет, Соня вовсе не росла под каким-то колпаком, отделённой от внешнего мира. Во дворе, в песочнице или на качелях, случались недоразумения со сверстниками, но рядом были родные и мудрые взрослые, которые любой конфликт разрешали мягко и справедливо, а позже, когда гуляла одна, всегда можно было убежать домой, где поймут и пожалеют.

Господи, как же она хотела домой! Ну, зачем, зачем её оставили здесь, где всё так враждебно?! Да, мама и папа на работе, Миша в школе, но она, Соня, уже такая большая и умная, сами же говорили, а значит, вполне могла бы побыть дома одна и дожждаться их прихода. Одной, конечно, тоже не сахар, но всё лучше, чем здесь...

После обеда был тихий час. Придавленная стрессом, Соня заснула мгновенно и глубоко, а когда проснулась, ощутила что-то странное. Сначала она не поняла, что не так, а когда осознала, ужас от случившегося заставил её похолодеть. Соня описалась. Она лежала в огромной луже, мокрая до ушей и на мокром матрасе. Пока под одеялом, этого никто не видел. Но надо же было вставать! И как, как это могло случиться с ней, такой большой девочкой?! Соня вообще не помнила про себя такое, поскольку это было за гранью воспоминаний, ведь всю свою сознательную жизнь она ходила сначала на горшок, а потом, как взрослые, в туалет. И вдруг такой конфуз! И где? Среди чужих и враждебно настроенных людей! С ужасом представила Соня, как все будут смеяться над её позором. Она лежала, натянув одеяло до подбородка и не знала, что делать.

– Соня, а ты что лежишь? Вставай и убирай постель, – приговором прозвучал голос Ирины Петровны.

Такого страха и стыда Соня ещё никогда не испытывала. Она продолжала лежать, умоляюще глядя на воспитательницу. Ирина Петровна почувствовала что-то неладное и подошла. Соня жестом поманила воспитательницу, чтобы та к ней нагнулась, хотя и знала, что неприлично так подзывать взрослых. Но выхода не было – не говорить же вслух о том, что случилось! Видимо, глаза девочки были настолько кричаще-выразительными, что Ирина Петровна наклонилась. И тогда Соня с ужасом прошептала ей на ухо:

– Я описалась...

Слава Богу, у взрослой женщины хватило ума не травмировать и без того страдающего ребёнка. Она загородила собой Соню, подала ей платице, велела снять мокрые трусы и быстро скатала и унесла грязное бельё вместе с матрасом. Никто из детей ничего не заметил. С каким облегчением вздохнула Соня, облачённая в собственное сухое платье, видя исчезновение следов своего позора, словами не описать.

Так первый день в детском саду обернулся для нашей Соньки кошмаром, чего никто и не мог предположить, в том числе она сама. Когда вечером пришла мама, Сонька вцепилась в неё намертво и сказала, что в сад больше не пойдёт никогда.

Однако жизнь советской семьи диктовала свои условия, и в сад ходить всё-таки пришлось. Долгие и терпеливые беседы Нины Борисовны с дочерью вынудили Соню смириться с неизбежным. Жуткий случай, когда она проснулась мокрой, не остался единственным. Полученный в тот день стресс имел длительные последствия – бороться с ночным недержанием мочи пришлось несколько лет.

Ко всему привыкает человек, особенно ребёнок. Соня втянулась и, перестав быть новенькой, вполне освоилась с жизнью в коллективе. В детском саду случилась у неё первая любовь. Соне очень нравился мальчик Юра, она тянулась к нему, старалась почаще вместе играть, а однажды на прогулке попыталась поцеловать в щёку. Но Сонькину попытку приблизиться к его лицу Юра расценил как агрессию, ловко увернулся и больно укусил Соне руку. Вот такая нескладная любовь получилась...

Однажды Соня с подружкой утащили из группы ножницы, которыми дети вырезали из цветной бумаги аппликации, и взяли их с собой на прогулку. У Сони была шубка из искусственного меха «под цигейку», этакий медвежонок. И девчонкам страшно захотелось посмотреть, что будет, если из этого густого меха выстричь кусочек. Зачем? Какой в этом интерес? Взрослому не понять. Но желание оказалось непреодолимым, и они выстригли. На спинке шубейки, ближе к плечу, появились две маленькие проплешины. Было весело и страшно, поскольку сознаваться в содеянном никто не собирался. Через несколько дней, вешая Сонину шубку, Нина Борисовна заметила проплешины.

– Надо же, – сокрушалась она, – до чего моль обнаглела, уже и искусственный мех жрёт!

Так Сонькина тайная вина была списана на происки моли к огромному облегчению истинной виновницы.

Прошёл год. По утрам Соню в сад отводил Миша, рискуя сам опоздать в школу. Зимой Сонька неуклюже топала в валенках, а Мишка тащил её за воротник шубейки, подвязанный шарфом, да приговаривал:

– Быстрей-быстрей, а то в киндергартен опоздаешь.

Миша учил в школе немецкий, и Соня с удовольствием перенимала от него незнакомые слова.

Вечером Соню забирал кто-то из родителей, чаще мама. Дорогу в детский сад и обратно Соня знала прекрасно, что называется, с закрытыми глазами нашла бы, тем более что это было не слишком далеко от дома, да и проезжую часть пересекать по пути не приходилось. И вот после долгих Сониных уговоров было принято семейное решение: разрешить ей попробовать ходить в сад одной. Никто и не сомневался, что Соня, во-первых, не заблудится, а во-вторых, не завернёт куда-нибудь не туда по собственной инициативе, поскольку девочка очень ответ-

ственная. В первый день Мишка, конечно, проследил потихоньку, как она гордо прошествовала от дома до сада, как взрослая, и все успокоились.

Но это была дорога туда, а вот обратно кто ж её одну отпустит? И тогда Нина Борисовна написала воспитательнице записку, где чётко излагала, что разрешает своей дочери ходить самостоятельно домой из детского сада и просит отпустить вечером Соню одну. Утром довольная Сонька вручила записку адресату, ожидая подтверждения. Но не тут-то было! Ирина Петровна прочитала и нахмурилась:

– Вот пусть мама придёт и сама мне скажет, что разрешает тебе ходить одной.

Сонька поникла. И вот шесть вечера, шесть тридцать, дело к семи. Всех детей уже разобрали, а Соня сидит вдвоём с воспитательницей, которая за неё отвечает, а потому тоже не может уйти домой, и тихо канючит:

– Ну, Ирина Петровна, ну мама же правда разрешила, она же написала и подпись поставила, ну почему Вы не верите?..

А в это время дома забеспокоились: что это Соня так долго не идёт? Может, заигралась? А может, записку потеряла и тогда её, конечно, не отпускают?

Не спешите, друзья, осуждать родителей, которые, как может показаться, поступили беспечно. Дорога от детского сада до дома видна была из окна квартиры, как на ладони, просматривалась вся, так что, пойдя навстречу Сониному желанию самостоятельности, родители всё же процесс контролировали. Опасаться разбойного нападения на ребёнка не приходилось, ну не было тогда в Москве такого вида преступности. Заманить куда-нибудь почти шестилетнюю Соню чужой дядя или чужая тётя ни за что бы не смогли, этому с раннего детства учили – никуда с чужими не ходить.

Однако Сонька опаздывала. Телефона дома не было, мобильных ещё не существовало, и взволнованная мама побежала в сад. Застав описанную картину, Нина Борисовна поняла свою ошибку с запиской и оценила ответственность педагога. За разрешением пришлось идти к заведующей, писать заявление. И со следующего дня, к великой Сонькиной радости, она стала единственной воспитанницей, уходившей из сада домой самостоятельно. Больше никому не разрешали, а вот Соне родители доверяли. Доверием этим она гордилась, дорожила и ни за что не могла бы его обмануть.

Глава 5. Отец

Что мы знаем о своих отцах? Особенно дочери? Девочки живут своей жизнью и, как правило, мало интересуются, каким был папа в детстве и юности. Это какая-то другая, мальчишеская жизнь, не имеющая к ним отношения. Разве что с момента знакомства с мамой им становится интересно. Хотя мне известны довольно яркие исключения из этого правила. Отношения Сони с отцом исключением не были, и о его жизни до встречи с мамой она знала только то, что ей рассказывали. Из детства папы – совсем мало. Ну, например, такой штрих: когда мальчишки играли в трёх мушкетёров, Володя Тимофеев был Атосом. Это о чём-нибудь да говорит...

В июне 1941-го, когда началась война, Володе было семнадцать. Восемнадцать исполнилось только в октябре, и он сразу ушёл на фронт. О войне Владимир Васильевич рассказывать не любил, но кое-какие живые воспоминания всё же сохранились. И не только воспоминания, но ещё фотоснимки и воинские награды. И ранения.

Воевали у Сони и отец, и дед. В семье хранится фотография, с которой связана удивительная история. На снимке оба они в полевой военной форме, молоденький совсем Володя Тимофеев и отец его, Сонин дед Василий Корнеевич. Снимок сделан в сорок втором, чего быть в принципе не могло, поскольку отец и сын знать не знали друг о друге в тот момент, кто на каком фронте воюет. Но жизнь распорядилась так, что их воинские части пересеклись на одном из направлений, и они совершенно случайно увидели друг друга. Вот так и запечатлел тот снимок, как судьба свела отца и сына на дорогах войны.

Василий Корнеевич отвоевал по полной и вернулся целёхоньким. А вот сыну его Владимиру повезло меньше: буквально через полгода молоденький лейтенант получил два пулевых ранения, одно в руку, другое в шею. Госпиталь, потом инвалидность. И всю оставшуюся жизнь был у него незаживающий свищ на шее, из которого нет-нет да и вытекала капелька какой-то жидкости. А на левой руке вмятина на предплечье и три последних пальца вовсе не разгибались.

Так что был Сонин папа инвалидом Великой Отечественной войны со всеми вытекающими отсюда последствиями. На 9 мая и на 7 ноября получал Владимир Васильевич от родного государства продуктовый набор: килограмм гречки, банка лосося, банка шпрот, печень трески (её он особенно любил), иногда батон сырокопчёной колбасы, стужёнка и печенье. Никакими другими благами он не пользовался, хотя и мог. Даже без очереди проходить стеснялся. Всю жизнь работал, несмотря на инвалидность, по врачам не ходил (терпеть не мог), растил детей, любил жену.

Сонину маму Владимир Васильевич любил сильно, называл не иначе как Ниночкой, худого слова за всю жизнь ей не сказал, хотя характер имел вспыльчивый, можно даже сказать неуживчивый. Во всяком случае, с начальством уживался он плохо. Если несправедливость какая, разругаться мог вдрызг, а то и уволиться.

При всём при том был он человеком добрым, весёлым и хлебосольным. А как застолья любил! В доме Сониных родителей стол накрывали не только на дни рождения всех членов семьи, на Новый год, на 8 марта, но и на все большие государственные праздники: 7 ноября, 1 мая и 9 мая – святое дело. Парад на Красной площади смотрели по телевизору всей семьёй. Для Мишки это вообще было событие номер один.

– Красиво идут! – восхищался он стройными рядами военных. А потом:

– Смотри, смотри, Сонька, техника пошла!

Сонька смотрела во все глаза. Всё, чем интересовался Миша, было интересно и ей. Хвостиком за ним ходила.

К Великой Отечественной в семье отношение было благоговейное. Победа над фашистами воспринималась детьми как подвиг советского народа естественным образом, независимо от пропаганды. Потому что вот он, этот народ-победитель, за столом сидит: и дед Сонин, и отец имели по ордену Красной звезды (одна из самых уважаемых наград, её просто так не давали) и по несколько медалей. Дети обожали фильмы про войну, смотрели их всякий раз, как по телевизору показывали. Никаких видеоплееров, вообще никаких записывающих и воспроизводящих устройств у граждан тогда не было. Что покажут, то и смотри. И они смотрели «Жди меня», «Отец солдата», «Два бойца», «Летят журавли», а позже «Щит и меч», «Майор Вихрь».

Владимир Васильевич хорошо пел. Вот у кого музыкальный слух был прекрасный, жалко, дочь не унаследовала, и голос приятный. Бывало, на какой-нибудь праздник собирались и родственники, и друзья, – всем места хватало. А выпивки и еды тем более. Было в этом доме золотое правило: уж если позвали гостей, все должны быть «сыты, пьяны и нос в табаке» – одна из любимых присказок Владимира Васильевича. Готовили столько, что на завтра обязательно оставалось. Пища в основном простая, для изысков и деликатесов не было ни средств, ни возможностей, но чтоб на столе что-то закончилось и не принесли ещё, чтоб кому-то чего-то не хватило, – такого никогда не было! Этот размах Сонька, что называется, впитала с молоком матери, и теперь, приглашая гостей, готовит, как на Маланьину свадьбу, хотя времена уже давно изменились и никто так не делает.

Женщины за столом пили вино, Владимир Васильевич употреблял только «чистый продукт» – водку. Гостям подливал с такой регулярностью, что не все выдерживали. А после возлияний народ за столом любил петь. Хором. Вот тут-то Владимир Васильевич и запевал:

«Оружием на солнце сверкая,

Под звуки лихих трубачей,
По улицам пыль поднимая,
Проходил полк гусар-усачей...»

Песен он знал много, всё больше про любовь. Соньке очень нравилось, как папа поёт. А сколько шуточек-прибауточек в его арсенале было – умел человек окружающим хорошее настроение создать! Правда, некоторые из его рифмованных присказок были настолько «солёными», что приходилось в присутствии детей обрывать их на полуслове, потому как нецензурные выражения в доме были «табу». Однако взрослые, видимо, продолжение хорошо знали и хохотали от души. Соня обожала такие дни. Она любила гостей, папины шутки и песни, мамину еду и вообще атмосферу праздника. На работу никто не уходит, в сад идти не надо, гости рассказывают интересные истории, все веселятся, – ну как тут не радоваться?

Однако праздник праздником, а в будни отец требовал дисциплины. И если в воскресенье он таскал на закорках визжащую от восторга Соню, то в понедельник мог вспылить и накричать за непослушание. Этого Нина Борисовна старалась не допускать. Будучи великим миротворцем, для которого скандалы в семье неприемлемы в принципе, она, услышав начинающуюся заварушку, тут же появлялась в комнате и, обращаясь к детям, строго заявляла:

– Так, папа прав. Это что за безобразие? Уже десятый час, а у вас игрушки разбросаны и Соня до сих пор не в постели.

И тут же – разнервничавшемуся мужу:

– Володечка, они сейчас всё уберут, не волнуйся. Пойдём, ты мне поможешь тазик достать из антресоли.

Вот таким изящным поворотом она всякий раз гасила искру, грозящую перерасти в пожар. Изобретательность её в деле сохранения мира в семье была безгранична, никто другой не смог бы в течение стольких лет добиваться сдержанности от Владимира Васильевича с его характером.

Но однажды, когда Соня совсем уж разбаловалась, мама решила не встречать и дать возможность отцу как следует дочь проучить. Просила только голос не повышать.

Папа велел Соне собрать игрушки и отправляться спать.

– Ага, – беспечно ответила Соня, – я сейчас, – и продолжала что-то рисовать, даже не оглянувшись на разбросанных зверей и кукол.

Во второй раз папа сказал:

– Если ты сейчас же всё это не уберёшь, я вынесу их на помойку.

– Да, папочка, сейчас, сейчас, – пролепетала Соня, не в силах оторваться от раскраски и не придав значения угрозам.

Третьего раза не последовало. Когда она, наконец, подняла голову от рисунка, папа как раз выходил из кухни с мусорным ведром, направляясь к входной двери, чтобы вынести это хозяйство на помойку. И – о, ужас! – в ведре поверх кучи мусора лежал, свесив лапы и хвост, её любимый плюшевый тигр по имени Пурш.

Сонька на мгновение онемела от этой картины, а потом с диким рёвом кинулась спасать своего любимца.

– Я тебя предупреждал, – сказал папа. – А эти что валяются? Не нужны? Давай я их тоже выброшу.

– Нет! – захлёбываясь слезами, заорала Сонька. – Я уберу, прямо сейчас, только не трогай!!!

И она кинулась собирать своих плюшевых друзей, как угорелая. Папа понаблюдал несколько секунд и молча вышел с ведром за дверь. Опасность миновала.

– Папу надо слушаться, – резюмировала Нина Борисовна исчерпанный инцидент.

Урок был Сонькой усвоен надолго.

Как мы уже знаем, Соня появилась на свет майским воскресным днём, когда папа её, ничего не ведая, отправился на рыбалку. Занятие это было настоящим хобби Владимира Васильевича. Удочки, спиннинги, блесны, крючки, коробочки с червями, – всё это в изобилии имелось в доме. Благодаря папиному увлечению Сонька с детства умела потрошить и чистить рыбу. Летом после дождя они с папой ходили собирать дождевых червей. Соня сначала боялась, но папа сказал, что червяки не кусаются, и она успокоилась. Они складывали их в коробку с дырочками, чтобы те могли дышать. На червя папа ловил небольших рыбёшек в подмосковных реках и озёрах. Соня быстро научилась отличать плотву от карася или окуня: у окуня красные плавники, а плотва травоядная и в брюхе у неё – сплошная зелень. Соня старательно чистила рыбу, а мама зажаривала её как следует, чтоб хрустящая была, и они ели этих маленьких рыбёшек прямо с костями. Вкусно было...

Брат Миша рыбалкой интересовался мало, а когда вырос и женился, они жили отдельно. На лето в основном ездили в загородный дом к родителям Мишиной жены. Так что внука и внучку Владимир Васильевич видел не так часто. Зато, когда Соня вышла замуж и родила сына, Тимофеевы, наконец, обзавелись собственными шестью сотками в Подмоскowie, и младшего внука пожилой уже Владимир Васильевич приобщить к рыбалке успел. Они уходили утром на местный пруд, захватив с собой бидончик, куда запускали в воду самых маленьких рыбёшек. А когда возвращались обратно, этим бидончиком позвякивая, кошка Луиза бежала им навстречу со всех ног, предвкушая лакомство. Расправлялась с этими гостинцами так, аж за ушами трещало. Настоящий маленький тигр.

А уж как Сонин папа любил футбол – по телевизору ни одного матча не пропускал! Болел всю жизнь за «Торпедо» московское. Бывало, встанет на коленки на стул, локти на столе, закурит свою папиросу «Беломор» и прильнёт к экрану. Комментировал всю игру и вопил, когда гол забивали, как положено, со всем стадионом. Соня помнит какие-то специальные таблички, заштрихованные по диагонали, в которые отец заносил счёт всех матчей турнира. Футбол тогда был истинно народным увлечением, совершенно повальным. Это вам подтвердит любой советский человек соответствующего возраста.

По дому у Владимира Васильевича обязанностей было немного. Мусор выносил, пока Миша не вырос, по воскресеньям пылесосил. Ну, а если что починить надо, так это не вопрос – руки у него были золотые. Вообще Сонин папа за что ни брался, всё делал очень тщательно, не спеша и на совесть, обязательно доводил начатое до конца. Когда Нина Борисовна болела или просто очень уставала, мог и посуду помыть. А если уж он за это дело брался, то, как и всё, делал его безукоризненно: посуда в его руках скрипела, такая чистая делалась, ни капли жира не оставлял. Словом был Владимир Васильевич настоящим перфекционистом, хотя слова такого отродясь не слыхивал.

Однако не всё шло так гладко в этой семье, как может показаться. Великая Отечественная оставила свои страшные следы не только на теле Володи Тимофеева, но и в юном мозгу вчерашнего школьника, которому пришлось пройти через страшные бои, гибель товарищей и все иные мыслимые и немыслимые ужасы войны. Это была другая реальность, к которой невозможно быть готовым. Как ни готовься, она всё равно потрясает, тем более неокрепшую психику совсем ещё молодого человека. Да что там говорить?! Снимаю шляпу...

Вспоминать то время Владимир Васильевич, как мы знаем, не любил. А вот что он сильно любил, так это выпить. В отличие, кстати, от отца своего Василия Корнеевича, который спиртным никогда не злоупотреблял. Нет, смолоду алкоголиком он, конечно, не был. Просто выпить любил... Знаете ведь, как это бывает? Пивка вечером с сослуживцами, водочки по праздникам. И сразу как-то преображался: весёлым становился, добрым, всё нипочём, море по колено, как будто никаких проблем в жизни и вовсе не существует. Так вот и спасался. Человек ведь когда выпьет, тут-то всё и вылезает наружу, что до этого под контролем держалось. Кто-то агрессивным становится, кто-то обидчивым и плаксивым, а кто-то не в меру ревнивым. А Влади-

мир Васильевич только лучше делался, как будто отпускал себя: беззаботный, компанейский, радушный, бесконечно доброжелательный к людям.

Но, как известно, благими намерениями дорога в ад устлана, а водка – тот ещё наркотик и мозг разрушает хоть и медленно, но верно. С годами алкоголя требовалось больше, дозы увеличивались, и здоровья это не добавляло. И даже такая уникальная жена, как Нина Борисовна, не смогла его пристрастие побороть. Она, конечно, много раз пыталась поговорить с мужем о надвигающейся беде, аргументы приводила самые сильные и правильные, но всё тщетно. Ничего с этим поделать нельзя, пока человек сам не захочет. А он не хотел.

Нина Борисовна тщательно скрывала от подрастающих детей пагубное пристрастие отца, пока это было возможно. Однажды в выходной Владимир Васильевич прилично «набрался» и как-то невпопад отвечал Соньке, которая приставала к нему с вопросами.

– Мам, а чего это папа такой странный? – удивлялась Соня.

– Да папа шутит, Сонечка, просто у него хорошее настроение.

Вот так и выкручивалась, пока дети не выросли и сами начали всё понимать. Но к тому времени фундамент уважения к отцу, заложенный ею в раннем детстве, уже было не поколебать. Потрясающая женщина! Чего ей это стоило, один Бог знает. Миша и Соня папу жалели, старались не докучать, когда много выпьет. Расстраивались, конечно, что поговорить с отцом в эти дни ни о чём невозможно, потому что пьяный человек – дурак. А это обидно...

Владимир Васильевич, пока работал, держался: сколько бы с вечера ни выпил, на работу являлся, как штык. Дисциплина! А как на пенсию вышел, тут и понеслось. Бывало, целыми днями к любимому графинчику зелёного стекла то и дело прикладывался. Машину он уже не водил, какое там! Потому «Победу» после смерти деда и продали.

Под конец его жизни Тимофеевым повезло. Свою трёхкомнатную уже квартиру и Сонину «однушку», доставшуюся от деда, они обменяли на две двухкомнатные в одном доме и в одном подъезде, на девятом и десятом этажах. У Сониного сына Толика бабушка теперь всегда была под боком – из школы ждала, обедом кормила. Да и Сонька с мужем, если что, родителям всегда помогали. Вот только Владимир Васильевич уже мало чему радовался в новом жилье. Затуманенный алкоголем мозг различал ещё любимые образы жены, дочери, внука, и лицо озарялось улыбкой. Автоматически совершал он какие-то привычные действия и снова погружался «в туман».

Было ему всего шестьдесят три, когда случился инсульт. Нина Борисовна с внуком находилась в санатории в Азербайджане. Сонька приходила с работы и первым делом – к отцу. Нажарит картошки его любимой с хрустящей корочкой, как мама учила, возьмёт горячую сковороду прихваткой и бежит на девятый этаж.

– Пап, я тебе картошечки нажарила, поешь, пока горячая...

Владимир Васильевич, который до этого клевал носом перед телевизором, увидев дочь, улыбался счастливо, благодарил, но есть наотрез отказался. Сказал – попозже.

На следующий день Сонька нашла картошку нетронутой, а отца за тем же занятием. Уговорами, чуть ли не силой заставила съесть свежепожаренную котлету, остальные убрала в холодильник.

А в субботу, когда пришла с супом, застала отца спящим на диване при включённом телевизоре. Стала будить.

– Пап, проснись, пообедай, я супчик сварила, – теребила его Сонька.

Но Владимир Васильевич хрипло дышал и почему-то никак не просыпался. Соня, ещё не понимая, что именно произошло, но видя явно неладное, позвонила брату:

– Миш, я его бужу-бужу, а он никак не просыпается!

Миша, который к тому времени стал врачом, задав сестре несколько уточняющих вопросов, заключил:

– Очень похоже на инсульт. Сонь, вызывай скорую.

Диагноз подтвердился. Папу увезли в больницу, а на следующий день вернулась мама с Толиком. Пять дней пролежал Владимир Васильевич без сознания. Всего каких-то пять дней они по очереди ходили в больницу, меняли ему простыни и вливали бульон в приоткрытый рот – глотательный рефлекс срабатывал. И это всё, что они могли для него сделать. Владимир Васильевич умер, так и не придя в сознание.

Как жил скромно, так и ушёл, никого своими болезнями долго не напрягая. К врачам-то ведь совсем не ходил, никогда не обследовался. Заставить его это сделать было решительно невозможно. Одна история с «Запорожцем» чего стоит!

Инвалидам Великой Отечественной войны первой группы полагался бесплатный автомобиль «Запорожец». У Сониного папы ещё с сороковых годов после ранений была вторая группа инвалидности. Однако здоровье с годами ухудшалось и, посетив несколько раз свою поликлинику, можно было получить первую группу. И давно пора было! Мама и Соня долго уговаривали Владимира Васильевича навестить врачей.

– Пап, ну что тебе стоит в поликлинику сходить? Ведь машину бесплатно дадут! – умоляла Соня.

– А кто её водить будет? – резонно замечал отец.

– Я научусь! – с готовностью отзывалась дочь.

– Научишься, тогда и поговорим.

Вот и весь сказ. Никакие посулы материальных благ не могли заставить этого человека делать то, что он не считал нужным.

Но однажды Соня всё-таки уломала отца воспользоваться одним из тех благ, что были доступны только инвалидам войны. Это был конец семидесятых, когда билеты в Театр на Таганке купить было нереально. Люди стояли по ночам с номерочками, нарисованными на руках, а утром, когда открывались кассы, билеты доставались только малой части страждущих. Московская интеллигенция, особенно молодёжь вроде моей Сони, стонала от желания увидеть спектакли Любимова. А инвалидам войны полагалось два билета без очереди. Но надо же знать Владимира Васильевича! Во-первых, он никогда и нигде без очереди не проходил, считал, что некрасиво, расталкивая других, добывать себе блага. Во-вторых, театры он терпеть не мог и сроду их не посещал. Год Сонька уговаривала папу поехать с ней за билетами, взывала к его отцовским чувствам и мотивировала тем, что не материальных благ просит, а исключительно духовных.

И наконец, свершилось! Вожделенные два билета с пометкой «для инвалида ВОВ» были у Соньки в руках. Но тут возникла другая загвоздка. Оказывается, ни с кем, кроме папы, по этим билетам Соня в театр пойти не могла. На них стоял специальный штамп, гласящий, что посещение театра возможно только при личном участии товарища инвалида. На входе проверяли удостоверение. А папа-то эти театры «в гробу видал»!

В тот день давали «Мастера и Маргариту» Булгакова. Господи, Смехов и Дыховичный живьём, Шацкая на качелях! Лишиться этого, держа билеты в руках, Соня никак не могла. Пришлось снова уговаривать отца, надевать на него парадный костюм и везти в театр к 19 часам.

Когда они миновали контроль и вошли в фойе Театра на Таганке, счастливая Соня направилась к гардеробу, но тут Владимир Васильевич остановил её словами:

– Ну, я пошёл, – и развернулся обратно к выходу.

– Пап, ты куда? – несказанно удивилась Соня.

– На метро и домой, – последовал невозмутимый ответ.

– Пап, ты что? Приехал ведь уже... Спектакль потрясающий, пойдём! Ну, вдруг тебе понравится?

Ни в какую. Развернулся и ушёл.

Билеты были на первый ряд. Так и смотрела Сонька культовый спектакль одна на двух местах. Смотрела, открыв рот, на одном дыхании, отбивая ладони на аплодисментах. Восторг и счастье! Молодость...

Спасибо папе ещё и за это.

Глава 6. Ябеда

В мае 1964-го Соне исполнилось семь, и в сентябре она должна была пойти в школу. Соня ждала этого события, буквально дрожа от нетерпения. Читать и считать она умела прекрасно, писала, правда, только печатными буквами. Тогда не рекомендовали обучать письму до школы, дабы не испортить почерк. Но это не помогло. Почерк у Соньки долго был широким и круглым. Когда в первом классе учились писать палочки и крючочки, это была беда. Палочки ещё куда ни шло, а вот крючок Соня обязательно вытягивала в ширину, никак он у неё не хотел загибаться изящно.

Покупка школьных принадлежностей стала для Сони настоящей радостью. Чистые тетрадки, пенал, портфель, – всё это было такое новое и так вкусно пахло! А уж когда дело дошло до школьной формы, это вообще был восторг: коричневое платье, белый кружевной воротничок и манжеты, чёрный фартук с крылышками на каждый день и белый с оборками праздничный. Сонька вертелась перед зеркалом без устали и не могла на себя налюбоваться.

Наступило долгожданное 1 сентября. Миша пошёл уже в восьмой класс, а Соня в первый. К праздничному белому фартуку добавились белые же банты в косы, белые носочки, модные остроносые туфельки и, конечно, букет цветов. Совершенно счастливую и слегка взволнованную Соньку утром во дворе запечатлела в окружении таких же нарядных подруг памятная фотография.

Соня пошла в ближайшую школу, недавно построенную. Пока её строили, Миша уже давно ходил в свою, которая была вдвое дальше от дома. Так и вышло, что Соню отдали не в ту школу, где учился брат. Как выяснилось позже, это было большой ошибкой. Провожали Соню в школу только 1 сентября, а дальше – сама. И хотя по пути приходилось переходить дорогу, волнений это не вызывало. Всё было давно и неоднократно отрепетировано: посмотреть налево, дойти до середины, посмотреть направо. Дорогу до школы она знала отлично и человеком была ответственным.

Ни о какой продлёнке речи не шло. В семь лет Соня уже умела обращаться со спичками и зажигать газовую плиту. В первом классе она возвращалась из школы рано, после трёх уроков. Мама утром оставляла на столе маленькую кастрюльку с супом и сковородку со вторым. Соня, не дожидаясь брата, у которого было шесть уроков, сама всё разогревала и обедала. Пока делала уроки, возвращался из школы Миша, так что до вечера без присмотра она всё же не оставалась.

Училась Соня, разумеется, блестяще. Кроме письма, ей в первом классе и осваивать-то было нечего: чтение и арифметика были ею давно освоены. Правда, был один предмет для Сони затруднительный, а один совершенно бесполезный. Затруднительными для неё оказались уроки рисования и труда, такой вот каламбур. Рисовать у Соньки не получалось совсем – ни одной линии ровно провести не могла. А на труде в начальной школе занимались не трудовым воспитанием, а лепкой из пластилина. Сонька расстроилась до слёз, когда соседка по парте вылепила огурчик зелёный с побелевшим кончиком, аккуратным хвостиком и едва заметными пупырышками, красивый и вкусный на вид, как настоящий. А у неё, у Сони, при попытке сделать то же самое вместо огурца какой-то крокодил получался и пупырышки были толстые, как бородавки. Не пригодными оказались Сонины руки для валяния и живописи.

А бесполезным для Соньки был урок пения. Учительница пения, услышав, как безбожно девочка «врёт» мотив любой песни, велела ей даже в хоре петь шёпотом, чтобы остальных не сбивала. Тут уж чего не дано, тому не научишь. Однако педагоги начальной школы, поскольку

по всем основным предметам Соня была лучшей, ставили ей пятёрки и по этим – за старание, и переводили из класса в класс с отличием.

С первого по четвёртый класс в Сонькиной жизни произошло много событий. Например, она, наконец, научилась кататься на двухколёсном велосипеде. Давно просила купить ей «Школьник», но родители всё тянули, денег лишних не было. В итоге доросла Соня до Мишиного «Орлёнка». Мишке как раз купили новый большой велосипед, а ей перешёл «Орлёнок». Кататься Соню учил папа и делал это со свойственной ему дотошностью. Велосипед этот с поперечной рамой, так что забраться на него можно было, только перекинув ногу через седло. Папа не разрешил Соньке сразу сесть на велосипед – у него была своя методика обучения.

– Так, – сказал он, – ставь левую ногу на левую педаль и держись за руль. Да не правую, а левую!

– Как же я так встану? – возмущалась Сонька. – Неудобно же!

– Это только сначала неудобно, а потом привыкнешь. Правую отведи немного назад, а левой стой, как следует, на педали, – наставлял папа. – Теперь правой ногой оттолкнись от земли и ездай на одной ноге. Руль держи, не виляй!

Легко сказать – держи. Владимир Васильевич бегал за Сонькой по всему двору, помогая поддерживать равновесие. Когда падала, плакать не велел.

– В общем так, – сказал он, – пока на одной ноге ездить не научишься, на велосипед не сядешь. Задачу понял?

– Поняла, – с тяжким вздохом ответила Сонька, зная, что спорить с отцом бесполезно.

Прошло не меньше двух недель. Каждый день Сонька упорно училась держать равновесие, стоя левой ногой на левой педали велосипеда. Сначала ей удавалось проехать в таком положении совсем чуть-чуть, и она либо соскакивала, либо падала. Но, как справедливо говорил папа, «терпение и труд всё перетрут». И через какое-то время Сонька поняла, что вполне уверенно стоит на одной ноге, рулит и едет по прямой, легко удерживая равновесие. В этот же вечер, как только папа пришёл с работы и поужинал, она потащила его во двор.

– Вот, смотри! – гордо заявила Сонька и уехала вперёд вдоль всего дома. Там она соскочила, перевернула велосипед и тем же маршрутом победно вернулась к отцу.

– Молодец, – сказал папа, – давай ещё раз, только помедленнее.

Придерживая сбоку руль велосипеда, он побежал рядом и скомандовал:

– А теперь закидывай правую ногу через седло!

Сонька с размахом закинула ногу, села и тут же завиляла рулём от резкого движения. Но ощутив под обеими ногами педали, она быстро выровнялась и... поехала!

– Крути педали! – прокричал вслед отец.

Но Сонька после двух недель тренировок уже ощущала велосипед как часть себя и зависимость между скоростью кручения педалей и лёгкостью удержания равновесия всем телом почувствовала. Она летела! Это было настоящее счастье. Пожелав спешиться, Соня притормозила, так же легко перекинула правую ногу через седло назад и соскочила с велосипеда. Повороты освоила быстро – руль держать уже умела.

– Ну вот и всё, а ты боялась... – сказал папа.

Продолжать фразу он, как обычно, не стал. Дочерью был горд.

Надо сказать, что этот «Орлёнок» зелёного цвета, когда достался Соне, был уже изрядно потрепан Мишей и его товарищами. Тормоз велосипеда имел ножной – надо было крутануть педали назад, чтобы затормозить. И самое скверное, что тормоза эти были неисправны: педали назад порой прокручивались вместо того, чтобы тормозить. Но Соня уже стала асом и аккуратно нащупывала момент, когда тормоз сработает, а не прокрутится. На велике, конечно, катался весь двор. Не у всех было достаточно средств, чтобы купить своему ребёнку велосипед, и к Соньке выстраивалась очередь из девчонок и мальчишек: «Дай покататься!» Она не отказывала никому и каталась по очереди со всеми. Улица Пивченкова, где они жили, была

тихая, машин совсем мало, и дети катались даже по проезжей части, строго у правой обочины. Происшествий не было.

В этот период с Сонькой случилась странная перемена в характере. Бойкая, общительная и даже артистичная девочка вдруг стала стеснительной. В школе она по-прежнему тянула руку и громко отвечала всё, что знает. Знает – вот ключевое слово! А в быту появились новые обязанности, расширился круг короткого общения с незнакомыми людьми, и тут Соньку терзали сомнения, всё ли она правильно делает и как можно поступить, а как нельзя. Десятки раз ходила Соня с мамой в магазин, стояла с ней в очереди в кассу, а потом с чеком в очереди к прилавку (супермаркетов с тележками тогда не было). Кстати, в шестидесятых, когда вдруг из магазинов пропала мука, если её завозили, выстраивались жуткие очереди. Давали по два килограмма в одни руки. Значит, если мама и Соня были вдвоём, им полагалось уже четыре килограмма. Так некоторые женщины, стоявшие в очереди неподалёку, просили у Нины Борисовны: «Можно Вашу девочку на пять минут?» Мама кивала, отходила в сторонку, и Соня стояла рядом с чужой тётёй, помогая ей тем самым получить ещё два килограмма муки. Да-а, не удалось Никите Сергеевичу заменить пшеницу кукурузой.

Будучи школьницей, Сонька прекрасно различала достоинство всех купюр и монет. Однако, когда мама попросила её самостоятельно сходить в магазин за сливочным маслом, Сонька вдруг испугалась и заупрямилась:

– А как я его куплю?

– Очень просто. Придёшь в магазин и пойдёшь в кассу. Когда подойдёт твоя очередь, протянешь кассиру рубль и скажешь: «Двести граммов масла, пожалуйста». Мы же с тобой много раз это делали!

– А дальше?

– А дальше она пробьёт тебе чек на 72 копейки и даст сдачу с рубля – 28 копеек.

– А дальше?

– Подойдёшь к прилавку, отдашь чек и возьмёшь масло.

– А что я скажу продавщице?

– Да то же самое: «Двести граммов масла, пожалуйста». Она взвесит и отдаст тебе масло.

Сонька волновалась ужасно. Ей казалось невозможным, забирая сдачу, успеть её посчитать и при этом не задерживать очередь. Ей казалось, что в очереди к прилавку её вообще не воспримут серьёзно, как самостоятельного покупателя, будут обходить, чтоб под ногами не мешалась, и она никогда не достоинится. Во избежание этой неприятности Сонька высоко держала руку с чеком, давая понять окружающим, что она тоже стоит, как все. Масло и 28 копеек сдачи она благополучно принесла домой, но в себя пока так и не поверила.

Всякое общение с посторонними доставляло Соне ужасный дискомфорт. В автобусе, чтобы в толпе пробраться к выходу, надо было всего лишь вежливо сказать: «Разрешите пройти». И мама её этому учила. Но обратиться громко к толпе, к незнакомым спинам было мучительным преодолением себя. И свою просьбу пропустить её Сонька едва пищала, так что её не всегда и слышали. Этот приступ стеснительности длился, пожалуй, года три, а потом как-то сам собой рассосался.

Унаследовав от модницы-бабули любовь к красивой одежде, Сонька могла подолгу крутиться перед зеркалом. Родительская кровать в маленькой комнате была застелена белым тканевым покрывалом, а на подушках лежали тюлевые накидки с оборками. Эти кружевные вещицы не давали Соньке покоя. Придя из школы, Соня снимала форму и, пока никого нет, облачалась в обе накидки сразу, вертелась перед зеркалом так и сяк, подвигая оборки то на плечи, то на импровизированную юбочку. Знала, что нельзя их трогать, мама не велела, но не могла устоять перед желанием облачиться в кружево. Однажды за этим занятием застал её брат, вернувшийся из школы. Посмеялся над Сонькой, но маме ничего не сказал.

Эта пигалица не считала для себя возможным появиться на людях в домашней одежде хоть на минуту. Много лет в семье со смехом вспоминали такой диалог.

Мама:

– Сонь, сходи на балкон, принеси, пожалуйста, яблоки, я помою.

Миша:

– Мам, ты что, она же в красной юбке! Разве можно в красной юбке – на балкон, а вдруг кто увидит?!

И под всеобщий хохот фыркнувшая и покрасневшая Сонька быстро хватает с балкона сетку с яблоками и вбегает обратно. А напрасно смеялись. Девочка-то росла со вкусом и чувством стиля.

Тем временем Сонин недуг, приобретённый в детском саду, оставался с ней. Она по-прежнему писалась по ночам. Никто, кроме членов семьи, об этом, разумеется, не знал, поскольку случалось такое только во сне. Лечить её пытались всячески, к самым разнообразным врачам водили, включая психоневролога, какими только снадобьями ни пичкали, – ничего не помогало. И вот в четвёртом классе по совету врачей отправили Сонечку в специализированный санаторий, на всю четвёртую четверть, то есть апрель и почти весь май. Санаторий находился в Москве, где-то в лесном массиве. Посещения родителей разрешались только два раза в месяц, считалось, что незачем чаще волновать детей переменой обстановки. Это тяготило Соню больше всего, тоска по близким людям накатывала по вечерам, когда учёба заканчивалась, уроки были сделаны и все процедуры пройдены, даже всплакнуть иногда приходилось в кровати. Позвонить домой тоже было нельзя, не разрешали, мобильных телефонов тогда ещё не существовало, а тем более видеосвязи. Всё-таки Сонечка была очень домашним ребёнком.

Но это ещё полбеда. Дело в том, что в этом санатории хоть и писались по ночам все дети, но Сонин случай всё же был единственным, потому что болезнь у неё была приобретённой. Все остальные детки страдали врождённым недержанием мочи. Это, как правило, были дети из трудных семей, где отец чаще всего алкоголик, а мама, соответственно, много нервничает, включая период беременности. И вот наша отличница, активистка, командир октябрятской звёздочки попадает в коллектив недолюбленных и несчастных по большому счёту детей, своих сверстников, об интеллектуальном развитии которых мало кто заботился. На уроках Соня была потрясена, как трудно им даётся учёба. Учитель объясняет – всё же понятно! Но нет, они почему-то не могли усвоить самых простых, на Сонин взгляд, вещей. Приходилось объяснять снова и снова, и Соне на уроках было скучно. Ребят она жалела, старалась помогать с домашними заданиями, если обращались, понимала, что не от разгильдяйства они плохо учатся, а просто не могут лучше. Но поговорить ей было совершенно не с кем...

Педагоги и персонал, конечно, быстро поняли, что этой девочке здесь не место, но Сонины родители хватались за последнюю, как им казалось, соломинку.

Долгожданный майский день, когда Нина Борисовна приехала забирать дочь, стал для Сони освобождением из заточения. Большая уже одиннадцатилетняя девочка тихо вцепилась в мамину руку и не выпускала её до самого дома. Соня помнит, как они ехали с мамой в трамвае, а потом на метро. Мама купила и отдала ей сразу при встрече голубые кружевные носочки, Сонька ехала в трамвае, одной рукой прижимая к себе носочки в прозрачном шуршащем пакете, а другой крепко держа мамину руку, и тихо всхлипывала от счастья.

Самое обидное, что все эти муки были напрасными – санаторий ничем, конечно, не помог, и всё оставалось по-прежнему. Но тут Соне неожиданно повезло, потому что нашёлся один умный врач, который сказал Сониним родителям:

– Перестаньте мучить ребёнка. Всё пройдёт само с приходом полового созревания.

Решили поверить и подождать, тем более что перепробовали уже всё. И через два года, когда у Соньки начались месячные, болезнь ушла, как не бывало. Она просто стала просыпаться по ночам и шла в туалет. Низкий поклон доктору!

Как-то раз, ещё в первом классе, когда мама пришла с работы и спросила у дочери, как прошёл день в школе, Сонька поведала такую историю:

– ... А на арифметике, когда Вера Никитична вышла из класса, она сказала: «Тимофеева, запишешь, кто будет разговаривать».

Тут буквально вскинулся Миша:

– И ты записывала?!

– Конечно, – ответила Соня, – всех записала, кто болтал.

– Ты что, Сонька, обалдела? Ты понимаешь, что ты на своих товарищей ябедничаешь?!!!

– Ну, Вера Никитична же велела...

– Дура ваша Вера Никитична!!!

Это был крик души. Мише исполнилось уже четырнадцать, он рос хорошим человеком и видеть свою сестру стукачкой совсем не хотел.

– Миша, нельзя так говорить об учительнице, – пробормотала мама.

Наверно, впервые в жизни Нина Борисовна растерялась в вопросах воспитания своих детей. Внутренняя борьба между осознанием безусловной правоты старшего сына и нежеланием разрушить авторитет учителя в глазах младшей дочери парализовала на тот момент её волю.

Сонька с удивлением взирала то на возмущённого брата, то на задумавшуюся маму, которая почему-то так и не поддержала её действия в полной мере, а только лишь запретила Мишке обзывать учительницу.

«Но ведь я сделала так, как велела Вера Никитична, а учителя надо слушаться, – думала Соня. – Это же правильно.»

Нравственная проблема, так неожиданно выросшая перед ней, казалось бы, на ровном месте, где за минуту до возмущения брата и сомнений-то никаких не было в правильности её, Сониных, поступков, не могла быть решена семилетней девочкой немедленно. Справедливости ради стоит сказать, что немалая часть взрослых людей за всю жизнь не решила для себя эту проблему. Но Миша! Брат для Сони был непререкаемым авторитетом во всём. И всё же потребовалось немало времени и ещё кое-какие усилия со стороны Миши, чтобы Соня сделала свой выбор. Спустя три года она сделала его бесповоротно в пользу позиции брата.

А пока Сонька продолжала ябедничать. И не только на одноклассников.

Ежедневно, придя из школы, Миша должен был пообедать, сделать уроки и только потом развлекаться. Однако частенько сразу после обеда к нему заходил друг Юрка, и они играли в солдатиков. Весьма своеобразно играли. Оловянные солдатки расставлялись в шеренгу на полу на одном конце комнаты, брались обычные шашки, и с другого конца комнаты мальчишки щелчком через весь пол по этим солдатикам стреляли. Шашки по натёртому папой паркету летали отлично. Ближе к вечеру, с ужасом взглянув на часы и понимая, что вот-вот придёт с работы мама, они всё это безобразие быстренько собирали, и взмыленный Мишка с умным видом садился за письменный стол.

Войдя, мама первым делом вопрошала:

– Миша, ты уроки сделал?

– Делаю, мам, уже почти...

Соне таких вопросов не задавали, у неё даже дневник не проверяли, там были одни пятёрки.

И тут совсем не коварная, как можно было подумать, а жаждущая справедливости глупая Сонька во весь голос докладывала маме, что никакие уроки он не делал, а весь день играл с Юркой в солдатиков и за письменный стол только что сел.

Получив свой выговор и дождавшись, пока мама уйдёт на кухню, Мишка сказал сестре:

– Ах так, ты и на меня ябедничаешь? Ну берегись!

Не подумайте чего плохого, в жизни своей Миша не поднял руку на сестру ни разу, но мальчик был умён не по годам и способ отомстить придумал безотказный.

Докладывая о чужих проступках, своих грехов Сонька не замечала. На неё же никто не ябедничал! Например, велит ей мама с утра, чтоб гулять после школы шла непременно в рейтузах, потому что сегодня холодно. А рейтузы эти шерстяные Сонька терпеть не могла, они весь вид портили. И поскольку с прогулки возвращалась она ещё до прихода мамы, втихаря приказ нарушала и шеголяла в одних чулках.

И вот Миша решил в воспитательных целях Сонькины прегрешения записывать.

– Та-ак, на карандаш! – восклицал он, записывая очередной пункт Сониных проступков за день.

А вечером списочек этот пред мамины очи и выкладывал. Тогда и Соня получала свою порцию маминого недовольства ею, воспитательных бесед и разъяснений. Это было неприятно. Сонька привыкла, что она хорошая и её все хвалят. А тут оказывается, не такая уж она и хорошая...

Этот метод, названный Мишей «твоим же добром да по тебе», принёс свои плоды, самые что ни на есть положительные. Прочувствовав на собственной шкуре, как плохо, когда на тебя ябедничают, Сонька, наконец, задумалась, а хорошо ли она поступает. А задумавшись, осознала, скольким же людям она гадостей наделала.

Произошёл фактически переворот в сознании. С этого момента она перестала делить мир только на чёрное и белое. Спустя годы, уже взрослая Соня с ужасом вспоминала себя тогдашнюю – ябеду, отличницу и подлизу. И всю жизнь повторяет, что это Мишка сделал из неё человека.

Глава 7. Бабуся

Мать Нины Борисовны овдовела рано, в сорок первом. Второй Сонин дед, которого она никогда не видела, на фронте не был, просто тяжело заболел и умер в больнице в самом начале войны. Бабуся, тогда ещё молодая 38-летняя женщина, осталась одна с двумя дочками: двенадцатилетней Ниной и восьмилетней Аней. Учитывая, что сама она до той поры никогда не работала, поскольку муж содержал семью, и профессии не имела, пришлось им очень туго. Жили они тогда у квартирной хозяйки в деревянном домике на Волоколамском шоссе, снимали комнату. В сороковые годы в Москве ещё было очень много деревянных домов с печным отоплением и удобствами на улице. В этом же доме в 1950-м родился Миша, и даже Соня успела там пару раз побывать в гостях у бабуся и смутно помнила тамошнюю обстановку.

А тогда немцы стояли под Москвой, бомбёжки не прекращались, а хлеб можно было получить только по карточкам. Как они прожили эти годы, о том надо отдельную книгу писать. Пока бабуся искала работу, сильно голодали, и если б не квартирная хозяйка Фима Семёновна, которая из жалости к детям отдавала им картофельные очистки, то может, и не выжили бы, и не было бы тогда на свете моей Соньки.

Бабуся в отличие от бабули была женщиной грамотной. В Кременчуге, откуда родом, она ещё при царе окончила женскую гимназию, где преподавали даже латынь и греческий. Дальше этого дело не пошло, потому как вышла замуж, родила двух дочек и занималась только детьми, мужем и хозяйством.

Женщиной она была крупной и шумной. Говорила всегда громко, эмоционально, и в порыве таких эмоций могла, потянув за тряпку, ненароком кастрюлю с кипятком на себя опрокинуть.

Дочерей своих любила, но когда те выросли и замуж повыходили, отношения с ними и с зятями стали непростыми. Внуков бабуся обожала. У неё их было четверо – двое от Нины и двое от Ани.

Сколько Сонька себя помнит, с бабусей всегда было весело. Эта полная, а в старости и вовсе грузная женщина с порывистыми движениями и взрывным характером по натуре своей до конца дней оставалась ребёнком – открытым, впечатлительным и бесхитростным. Поэтому детям с ней было легко и приятно, как, впрочем, и ей с ними. Соньку бабуся научила играть в карты, сначала в Акулину, а потом и в Дурака подкидного и переводного. В лото часто играли и в домино. Они как-то всё время были на одной волне, никаких проблем в общении не возникало.

Когда Соне исполнилось восемь, её отправили вдвоём с бабусей в Анапу. Тогда Сонька впервые увидела море. До этого ей доводилось купаться только в Москве-реке да в подмосковных речках и прудах. Соньке там не нравилось: дно бывало илистым, что очень противно, да ещё всякие зелёные водоросли вокруг попадались. А тут белый песочек, по которому так приятно ходить босыми ножками, и по сухому, и по мокрому, а из мокрого ещё и строить у воды всякие сооружения. Бабуся плавать не умела, Соня тоже, но это не мешало им наслаждаться купанием. В Анапе у берега совсем мелко, они заходили в воду вдвоём, взявшись за руки, и веселились от души – брызгались, подпрыгивали и приговаривали: «Баба сеяла горох, прыг-скок, прыг-скок, обвалился потолок, прыг-скок, прыг-скок!».

Но самым удивительным было то, что у моря не было другого берега. «Где же оно кончается?» – думала Соня. Бабуся объясняла, что берег есть, но он так далеко, что отсюда его не видно, а на том берегу другая страна – Турция. Это было очень загадочно и волнующе.

Возвращаясь с пляжа, они шли по улицам города, вдоль которых росли абрикосовые деревья, сплошь усыпанные плодами. Деревья были государственные и срывать абрикосы было нельзя. Но они падали, падали и валялись в огромных количествах! В Москве эти абрикосы стоили так дорого, что Соня их ела крайне редко, в доме в основном водились яблоки. Да и на курорте особо не разгуляешься, и так траты большие на дорогу и проживание. И тогда бабуся с Соней стали подбирать упавшие плоды и складывать в её детское ведёрко для песка. Дома бабуся абрикосы мыла, и они лакомились бесплатно.

Ещё одним открытием, подаренным бабусей, стали для Сони чебуреки, которые она впервые попробовала в Анапе. Это было так вкусно, что Сонька стала кланчить их каждый день. Не самое правильное питание для ребёнка, но бабуся устоять не могла. А ещё было много мороженого, бусы из ракушек и море удовольствия от общения с бабусей.

Однажды они взяли билеты на прогулочный катер, чтобы доплыть из Анапы в Геленджик и посмотреть, что там. Это совсем рядом, ходу по морю минут двадцать. Весёлые и возбуждённые, взошли они на кораблик и стояли на палубе, любуясь видом в ожидании отплытия. Но как только катер отчалил, обеим стало не до веселья. Соня сначала побледнела, потом позеленела, пожаловалась бабусе, что её тошнит, и ребёнка тут же вырвало. И море-то было спокойное, качки почти никакой, но у Сони оказался такой плохой вестибулярный аппарат, что её, бедную, выворачивало все двадцать минут пути. Бабуся уже проклинала себя за то, что затеяла эту поездку, но деваться было некуда, пришлось доплыть. Самое ужасное, что предстоял ещё и обратный путь. Сойдя на берег, Соня ещё некоторое время приходила в себя. Потом решили искупаться, но тут ждало новое разочарование: пляж в Геленджике галечный, а Сонька босиком по камешкам никогда в жизни не ходила, и ей было больно. Она совсем расстроилась и расплакалась, пришлось бабусе тащить её на руках до воды.

Бабусе было так жалко Соньку, которая вместо новых радостных впечатлений получила от поездки одни неприятности, что она решила как следует порадовать ребёнка, компенсировав тем самым все страдания. Средство для этого было выбрано безотказное – новая кукла. Кукол Сонька обожала. И бабуся, будучи стеснённой в средствах, решила, что сэкономит на чём-то другом, и не поскупилась. Это была лучшая кукла в Сонькиной жизни! Красавица-блондинка в голубом платье закрывала и открывала глаза и говорила «Ма-ма». Она назвала её Соней. Всю обратную дорогу бледно-зелёная Сонька провела в трюме, прижимая к себе новую

подругу. Слава Богу, обошлось без рвоты, хотя мутило страшно. Двадцать минут мучений – и они на берегу, а кукла стала любимой на всю Сонькину детскую жизнь.

Овдовев в тридцать восемь лет, замуж бабуся больше не выходила. Когда дочери выросли и по очереди выпорхнули из гнезда, быстро привыкла жить одна, сама себе хозяйка, и статусом этим была вполне довольна. Профессией она всё же овладела – стала лифтёром-диспетчером, а потом и пенсия подоспела, так что финансово тоже была независима и помощи ни у кого не просила. А когда сносили деревянные дома на Волоколамке, бабусе дали комнату в коммунальной квартире со всеми удобствами в том же районе, недалеко от метро «Сокол».

Как-то раз в зимние каникулы Соньку было некуда девать и её отправили к бабусе. А той на работу надо. Что делать? Взяла бабуся Соню с собой в диспетчерскую. Вот это было здорово! Там располагался огромный пульт управления с невероятным количеством каких-то рычажков, кнопок и лампочек. Соня была в восторге. Лампочки мигали то зелёным, то красным, и это завораживало. А бабуся! Бабуся ловко управляла всем этим волшебством. Лифты в то время закрывались не автоматически, а вручную. Входя, надо было закрыть сначала железную наружную дверь, а потом внутренние деревянные створки. Не все жильцы справлялись с этим быстро, а если двери как следует не закрыть, лифт ни за что не поедет. Тогда на пульте, указывая на один из подъездов дома, долго горела красная лампочка. Увидев такое, бабуся брала в руки переговорное устройство и в свойственной ей манере громко кричала в него:

– Пассажир, закройте дверь! Вы меня слышите?! Пассажир, немедленно закройте дверь!!!

Получалось очень грозно. И через некоторое время лампочка загоралась зелёным – лифт поехал. Но бывали и другие случаи, когда лифт действительно застревал. Тогда бабуся брала ключи и топала пешком на верхний этаж в нужном подъезде в какое-то специальное помещение, Соню с собой не брала. Оттуда она могла управлять перемещением лифта, и чаще всего ей удавалось возобновить движение кабины. А уж если не удавалось, то приходилось вызывать «аварийку». И всё то время, пока механики ехали, бабуся по громкой связи говорила с застрявшим пассажиром, успокаивала его, шутила, помогала скоротать ожидание. Насмотревшись на всё это и проникнувшись важностью работы лифтёра, Соня бабуся сильно зауважала.

В коммуналку на Соколе Нина Борисовна с Соней частенько навещались, и не только для того, чтобы просто навестить мать и бабушку. Работала бабуся недалеко от дома, в одном из дворов возле Института «Гидропроект». На службу ходила пешком в любую погоду. Зимой-то дворы дай Бог, чтоб от снега почистили да хоть кое-где лёд посыпали. В общем, скользко было идти. И надо бы Сониной бабусе, как все нормальные бабушки, потихонечку, маленькими шажками передвигаться, ан нет, не в её характере это было. Бабуся, неся своё грузное тело на тонких ножках, перемещалась порывисто и с размахом. А дальше, как известном фильме: поскользнулся, упал, очнулся – гипс. Вот и приходилось Нине Борисовне на другой конец Москвы ехать, матери продукты возить, помыться помочь и еду приготовить.

И всё бы ничего, всякое в семье бывает. Вот только переломы эти чем дальше, тем чаще стали с бабусей случаться. Бывало, два, а то и три раза за зиму то руку, то ногу ломает. А у Нины Борисовны муж, работа, дети. Замучилась она совсем на два дома мотаться и стала бабуся уговаривать:

– Мам, давай съедемся. Ты ведь не молодеешь. А станем жить все вместе, мне легче за тобой ухаживать будет.

Не тут-то было. За долгие годы бабуся слишком привыкла жить одна и свободой своей дорожила. Ни в какую съезжаться не соглашалась. Так прошла одна зима и вторая. Всё повторилось снова. И в очередной раз, когда бабуся как-то особо неловко грохнулась, и перелом ноги был очень тяжёлым, а выздоровление обещало быть длительным, дочь с зятем перевезли её к себе. Тесновато было в «двушке» впятером, а что делать? Бабуся заняла Мишин диван,

а Мишка спал на раскладушке. Когда Владимир Васильевич был дома, бабуся обходилась без костылей: он её фактически на себе в туалет таскал.

После этого случая она сдалась. Согласилась-таки на обмен, но при одном условии! Обменять предполагалось имеющуюся «двушку» и бабушину комнату на трёхкомнатную квартиру. И условие было таким: в новом жилище у неё будет своя комната, куда она переедет только в том случае, если туда влезет вся-вся её мебель. И точка.

Подходящий вариант искали только в своём Кунцевском районе. Он нашёлся неподалёку на Кастанаевской улице близ следующей станции метро «Пионерская». Это была такая же пятиэтажка, только не блочная, а панельная, что ещё хуже. Кухня, как обычно, шесть квадратных метров, дальше шла маленькая девятиметровая комната, после неё большой зал без дверей – проходной, и последняя комната в четырнадцать квадратных метров для бабуся. А хотелось, чтобы все три комнаты были изолированными. Тогда Тимофеевы решили пойти на потерю части полезной площади и отгородили большую комнату от коридора стенкой, врезав в неё дверь. Тем самым часть комнаты превратилась в продолжение коридора, и он стал очень длинным: от входной двери до самой бабусяной комнаты. Бабусяны условия оказались трудно-выполнимыми. Маленькую девятиметровку сразу выделили Мише. В большой комнате, которая стала уже немного поменьше, разместились родители, и селить туда двенадцатилетнюю дочь было уже неуместно. Третья комната, как известно, предназначалась бабуся. А Соньку куда девать?

На Сонино присутствие в своей личной комнате бабуся, как ни странно, легко согласилась. Одной проблемой должно было стать меньше, но тут развыступалась Соня:

– А почему это Мишке своя комната, а я должна жить с бабусей?

– По старшинству, – отрезала Нина Борисовна. – Когда-нибудь и у тебя будет своя комната, подрасти сначала.

Согласившись принять Соньку, в вопросе о мебели бабуся оставалась непреклонной. В её комнату втиснули диван, софу, обеденный стол со стульями, телевизор с тумбочкой и сервант с посудой. А вот плательный шкаф из натурального дерева впихнуть было уже некуда.

– Делайте, что хотите, – сказала бабуся, – без шкафа не перееду.

Пришлось отрезать кусок коридора, переместив дверь в бабушину комнату ровно на длину шкафа. Между стенкой и шкафом оставался довольно узкий проход, ведущий в саму комнату, по которому толстая бабуся проходила только-только, а дверцы шкафа раскрывались не до конца. Но её это утратило, и проблема была решена. К слову, тот старый шкаф по сей день стоит у Соньки на даче и ничего ему не делается.

Совместное проживание с бабусей, учитывая особенности её характера, внесло свои изменения в течение жизни семьи Тимофеевых. Детям стало только лучше. Когда Соня возвращалась из школы, а Миша из института, их ждал горячий обед. Бабуся вкусно готовила, особенно ребята любили её котлеты. Правда, такая роскошь была не каждый день, поскольку бабуся по-прежнему ходила на свою сменную работу лифтера. Ездить ей теперь было далеко, но она продолжала мотаться на автобусе и метро, сутки через трое, блюла свою финансовую независимость. И по-прежнему каждую зиму хоть раз, да случались у неё переломы конечностей. Но теперь уж она одна не оставалась.

Бабуся обожала всякие побрякушки. Несметное количество разнообразных бус, колечек и серёжек хранилось в её шкатулках. Разумеется, всё это была бижутерия, в лучшем случае самоцветы, ни о каких драгоценностях и речи быть не могло, правда, попадалось иногда кое-что из серебра. Как же Соня любила рассматривать эти «сокровища»! Она любовно перебирала пальцами бусы, выкладывала их на полированный стол, примеряла на себя, прикладывала серьги к своим ушам, в которых не было дырок, надевала на тонкие пальчики кольца, которые с неё сваливались, а потом аккуратно складывала всё обратно и, вздыхая, закрывала шкатулки.

Всё это, конечно, с разрешения бабуся, которая и сама охотно рассматривала с внучкой свои залежи, вспоминая попутно, что это или то она давно не надевала.

Соне вообще разрешалось многое. Например, строить баррикады из подушек от софы или читать в постели, включив бра, когда бабуся уже засыпала. И Мишке она тоже всё прощала, что бы он ни натворил, ни разу маме не ябедничала. И на детей никогда не кричала.

Сложнее было со взрослыми. Тут бабуся, будучи с чем-то не согласной, могла разбушеваться не на шутку. Бывало, накричит на дочь, поругается с зятем, протопает по длинному коридору и как шарахнет своей дверью, аж стенка самодельная дрожит. Далее следовал неповторимый звук: разгневанная бабуся, размашисто задевая боками то стену, то шкаф, шествовала по узкому проходу в свою комнату. Включала там телевизор и ни с кем, кроме детей, не разговаривала до следующего вечера. Зато на следующий день вела себя, как ни в чём не бывало, как будто это не она вчера тут шумела и обвиняла дочь и зятя во всех смертных грехах. Вспыльчивая была, но отходчивая.

А вот Нина Борисовна первое время такие дни тяжело переживала. Скандалов она органически не переносила, в отличие от матери, и всю жизнь берегла мир и покой в семье. С бабуся-то всё, как с гуся вода, лёгкий человек, а дочь потом долго в себя приходила. Но со временем привыкла и стала легче к этому относиться, хотя так никогда и не понимала, как это можно сегодня человеку гадостей наговорить, а завтра с ним целоваться.

Нина Борисовна в то время была уже главным экономистом крупного московского предприятия – работа тяжёлая, ответственная. И вот посреди рабочего дня в кабинете главного экономиста, где шло совещание, мог раздаваться звонок и из трубки без всяких преамбул нёсся бабусин громкий голос:

– Нина, я фарш купила, котлеты нажарила. Картошка кончается, последнюю почистила. Будешь ехать...

– Мама, извини, я занята, я тебе позже перезвоню.

После этих слов обиженная бабуся швыряла трубку и, сопя, топала на кухню. Сонька не раз была свидетелем таких телефонных переговоров. И никакие разъяснения вечером про совещание или вызов к генеральному не помогали.

– Ты что, не можешь три минуты послушать, что я говорю?!

– Да пойми ты, мама, я на работе, в присутствии людей не могу твои котлеты обсуждать.

– Вот как? Тогда я вообще ничего не буду готовить!

Ах, не мечите жемчугов своих... Теперь Нине Борисовне приходилось ещё лавировать между мужем, у которого, как мы знаем, характер был довольно прямолинейный, и матерью, вспышкающей, как порох. Бывало, разругавшись с зятем, бабуся вдруг брала отпуск на неделю и со словами: «Всё! Я уезжаю от вас к Ане!!!» – отправлялась к младшей дочери, которая жила в Подмоскowie.

Приехав к Ане, бабуся была счастлива всех видеть: младшую дочь, ещё двоих своих внуков Лену и Сашу, по которым страшно соскучилась, и даже зятя Абрашу. Шум, веселье и гостинцы сопровождали бабусин приезд. Когда дети ложились спать, она долго и с упоением рассказывала, как ей нелегко живётся в семье старшей дочери, какой Володя паразит и как Нина неправильно себя ведёт.

Но проходила неделя и выяснялось, что ещё хуже ведёт себя Аня, а Абраша вообще гад последний. Бабуся хлопала дверью и со словами: «Ноги моей больше здесь не будет!» – возвращалась на электричке в Москву. Там она, соскучившись за неделю, снова любила Нину, Володю и баловала внуков. Через несколько месяцев история повторялась с копией точностью. При очередном переломе, когда старший зять таскал её на себе на кухню и в туалет, он был Володечкой, а как поругается, Володькой-паразитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.